

humor_verse АлександрАлександровичИванов8723d52e-2a93-102a-9ac3-800cba805322Плоды
вдохновения

Александр Иванов – выдающийся поэт и пародист XX столетия. Любимейший автор для
нескольких поколений советских телезрителей, ведущий популярной в 80-е годы
телепередачи «Вокруг смеха». ru glassy FB Tools 2005-05-20
<http://belousenkolib.narod.ru/Satira/IvanovA.html> Александр Продан (alexpro@enteh.com)
8D62B996-8E79-4103-8360-681EB259E749 1.1

v. 1.1. Добавлена пропущенная строфа (последняя) в пародии «Мужчина на проверке».
(Замечено Т. Богдановой. Спасибо.) А.А. Иванов. Плоды вдохновения Советский писатель
Москва 1983

Александр Александрович Иванов

Плоды вдохновения

(литературные пародии)

Из книги «Любовь и горчица» (1968)

Не спится, няня...

(Игорь Волгин)

Нет у меня Арины Родионовны,

И некому

мне сказки говорить.

И под охрипший ящик радиоловый

Приходится обед себе варить. Игорь Волгин

Нет у меня Арины Родионовны,

И я от бытовых хлопот устал.

Не спится, няня.

Голос радиоловый

Мне заменил магический кристалл.

Грущу, лишенный близости старушкиной,

От этого

недолго захандрить.

Нет у меня того, что есть у Пушкина,

И нечего об этом говорить.

Нет Кюхли, нет Жуковского, нет Пущина,

Нет Дельвига!

Не те пошли друзья.

В Большой энциклопедии пропущена

Красивая фамилия моя.

Мои рубашки

в прачечной стираются,

Варю обед, сажусь чайку попить.

Никто меня, видать, не собирается

Обнять и, в гроб

сходя, благословить.

Поэтому-то я готовлюсь к худшему,

К тому, что не оценят,

не поймут...

А впрочем,

что ни делается – к лучшему:

Меня, по крайней мере, не убьют!

Работенка

(Алексей Заурих)

Утром

подымаюсь

спозаранку

легкий, как белье.

Заедаю свежую баранку

дыркой от нее.

А позднее через дырку эту

плюс через окно

вижу, как и свойственно поэту,

детское кино...

На носу сверкает капля пота.

Это ничего.

Печь стихи – хорошая работа!

Было б из чего...

Панибратская ГЭС

(Евгений Евтушенко)

Быть может, я поверхностный поэт?

Быть может, мне не стоило рождаться?

Но кто б тогда сварганил винегрет
из битников, Хеопса и гражданства?!

...Мой Пушкин, самых честных правил,
когда я Братском занемог,
ты б замолчать меня заставил
и размножиться помог.

М. Лермонтов, прошу тебя,
дай силу жить, врагов губя,
чтоб я в противника воткнул
и там два раза повернул
свое оружие... Враг завыл,
ругаясь из последних сил.

Назови мне такую обитель
благодарных читательских душ,
где бы мой не стонал потребитель,
где оркестр не играл бы евТУШ!

Есенин, дай на счастье руку мне.
Пожми мою. Дружить с тобой желаю.
Давай с тобой полаем при луне.
Ты помолчи. Я за двоих полаю.

Пройду я с Блоком мимо столиков,
туда, где скреперы ворчат
и женщины с глазами кроликов
«In Женя veritas!» – кричат.

И вот теперь я обретаю вес,
как тот певец неведомый, но милый.
Творение мое о Братской ГЭС,
клянусь, не стало братскою могилой.

Письмо тебе
(Игорь Кобзев)

Мне, признаться, не дает покоя
Свежий образ – «голубая даль».
Даль, которая моей рукою
Чудненько рифмуется с «печаль».

...Днем и ночью ты танцуешь твисты
С риском поскользнуться и упасть.
Твисты любят империалисты,
Как посмела
Ты так низко пасть?!

Для чего меня ты ожидала
В агитпункте, справа за углом?
Для чего ты диамат сдавала,
Начерталку и металлолом?!

Кто тебя возьмет – такую! – в жены?
Кто тебя полюбит насовсем?
Кто-нибудь, возможно, из пижонов,
Но никак не член
ВЛКСМ!..

Блин комом
(Владимир Костров)

Русский блин я желаю воспеть,
Сковородное желтое солнце. Владимир Костров

От кондовой седой старины,
Той, которую помню я плохо,
Нам достались в наследство
Блины,
А блины – это, братцы, эпоха!

Эта пища, признаться, по мне,

Если кто отстает – догоняйте.

Подойдите поближе ко мне,

Осязайте меня,

Обоняйте!

Отгоните докучливых мух

Да плесните мне хлебного квасу.

Понимаю языческий дух,

Уважаю ядреную фразу.

Отдохнув,

Озабочен одним:

Как бы что бы придумать

Похлеще.

Выпекаю стихи, как блины,

Самоварного золота вещи.

Эх, читатель!

Зазря не страдай.

Без еды не бывает горенья.

Ешь блины

И Кострова читай –

Он полезен

Для пищеваренья!

Простой человек
(Николай Глазков)

Я славлю тапочки...
Бродить удобно в тапочках спортивных,
А можно босиком, как Лев Толстой! Николай Глазков

Иные любят пинжаки и брюки,
Плащи и пальто. Виноват, пальто.
Я человек простой. И эти штуки
Мне ни к чему. Типичное не то.

Сижу в исподнем. Вирши колупаю
Обгрызленным простым карандашом.
Ботинок и сапог не покупаю,
Ходить предпочитаю нагишом.

Поэта самодельного, простого
Не трогайте критической косой.
...За что, допустим, ценят Льва Толстого?
За то, что он, как я, ходил босой!

Кем я бываю
(Олжас Сулейменов)

Я бываю Чоканом!

Конфуцием, Блоком, Тагором! Олжас Сулейменов

Бываю я Бальзаком и Тагором,

Конфуцием, Ремарком, Низами,

Бодлером, Навои, багдадским вором,

Я Пушкиным бываю,

Черт возьми!

Бываю Александром Македонским,

Есениным, Рембо, Али-бабой,

Шекспиром, Магометом, Маяковским

И даже иногда...

Самим собой!

Чудо-бородач

(Яков Аким)

В третьем классе я учусь,

От рахита не лечусь

И мечтаю для красы

Отпустить себе усы.

У меня – вот это да! –

Отрастает борода.
Вы такую бородищу
Не видали никогда.

Разевают люди рот:
Борода моя растет!
– И откуда что берется? –
Удивляется народ.

С бородою я хожу,
Свысока на всех гляжу,
Потому что в третьем классе
Пятый годик я сижусь...

Для наших маленьких друзей
(Борис Заходер)

Жили-были Зах и Дер.
Дер – охотник на пантер.
А его приятель Зах –
Укротитель черепах.

Зах однажды крикнул: «О!»
Дер не крикнул ничего.

Надоело нам читать.

Мы хотим теперь считать:

Зах плюс буква «о» плюс Дер –

Получился Заходер!

Не тот барьер

(Анатолий Поперечный)

О миг преодоления,

Где ты,

Когда вдруг взбычена спина

И нить борьбы в ушко продета...

О, эта вздыбленная вера

И переход за грань, в карьер... Анатолий Поперечный

Был день чертовски необычен, –

Не чуя под собою ног,

То взбычен,

То опять разбычен,

Скрипел четвертый позвонок.

Была гроза.

И редька с хреном,

Застряв в груди, мешала петь.

Я побежал

Со страшным креном,

Чтоб в поликлинику поспеть.

О, руки!

Граблями воздеты,

Они вгнездились в перегной,

И в уши яблоки продеты,

И вверх ногами

Шар земной!

Взлетая, падая, трубя,

Я понимал, что в центре мира

Неважно чувствует себя

На дыбу вздыбленная лира.

Но поздно.

Вдруг через барьер

Лечу,

Теряя чувство меры.

Карьер, вольера, интерьер,

Курьер

И прочие химеры...

И, ощутив давленье сфер,

Я вскоре превратился в атом.
Так перешел за грань Попер –
Ечный.
А жаль его – новатор!

Поэтический бредняк
(Игорь Григорьев)

Ведь это неясить поет...

...Шапку

Сшибает бредняк.

– Тут неглыбко:

Выбредай на берег! Игорь Григорьев

Скрозь елань, где елозит куржа,

Выхожу с ендалой на тропень.

А неясить, обрыдло визжа,

Шкандыбает, туды ее в пень!

Анадысь, надорвав горлопань,

Я намедни бежу в многоперь,

На рожон, где нога не ступань.

...Но неглыбко в стихах и таперь.

На олешнике бязь.

Ан пупырь

Врастопырь у дубов раскоряк.

Вопия, контрапупит упырь

Мой стихорукотворный бредняк!..

Окна во двор

(Эльмира Котляр)

Стоял дом.

Мой дом.

Потом

Он пошел на слом.

Только мы его и видали...

Квартиру новую

Дали.

Потолки низкие-

Низкие,

Стены склизкие,

Коридор неосвещенный,

И этот самый...

Совмещенный.

Как тут быть?

Кого бить?

Не работает

Отопление.

Звоню в домоуправление.

Приходит маляр:

– Кто тут Котляр? –

Стены красил,

Не закрасил,

Только пол разукрасил.

Едва ушел,

Простился,

Подо мною

Стул обломился...

Что предпринять?

Не могу понять.

Пишу заявление

В домоуправление.

Приходит столяр:

– Кто тут Котляр?..

И так далее.

Любовь и горчица

(Дина Терещенко)

Нет,

я не такая... Какая?

Сама не знаю.

Люблю тебя

и конфеты «Ну-ка, отними».

Ничего не дай,

все возьми!
Все поет во мне рупорами!
Ты ко мне приходил дворами...
Гулкими
переулками.
Разве сердце можно украсть?
Можно. Случайно.
Мне снятся башенные краны
ночами...
А мне хоть немного покоя
необходимо. Разве
это так плохо?
Что важнее – я или эпоха?
Я важнее,
потому что нежнее...
Скажу вам по секрету:
любовь – омут,
а вы это
расскажите кому-нибудь другому.
Своей бабушке, например...
Бабушка огорчится,
в чай положит горчицу,
чай будет вкусным
и грустным...

Из книги «Не своим голосом» (1972)

Они студентами были...

(Эдуард Асадов)

Они студентами были,
они друг друга любили,
И очень счастливы были
в своем коммунальном раю.
Вместе ходили в булочную,
вместе посуду мыли,
И все знакомые радовались
на крепкую их семью.

Но вот однажды, вернувшись
домой в половине шестого
С набором конфет шоколадных,
красивым и дорогим,
Подругу свою застал он
играющей в подкидного,
Представьте себе,
в подкидного играющую с другим.

– Любимый! – она сказала,
и влажно блеснули зубы,
– Я еще поиграю,
а ты пойдя постирай. –
Он побледнел, как наволочка,
сжал посиневшие губы

И, глядя куда-то в сторону,
глухо сказал: «Играй!»

И больше ни слова. Ни слова!
Ни всхлипа, ни стона, ни вздоха,
И тут ее как ударило:
да ведь случилась беда!
Все было просто прекрасно,
и сразу стало так плохо...
Обул он белые тапочки
и ушел навсегда.

Мещане, конечно, скажут:
подумаешь, дело какое!
Да разве за это можно
жену молодую бросать?!
...Сейчас он лежит в больнице,
лечится от запоя,
А чем она занимается,
мне неудобно писать...

Лесная дорожка
(Виктор Боков)

Аукают дети,

Кукуют кукушки,
Ручей под гармонь
Распеваает частушки. Виктор Боков

Петляет кривая
Лесная дорожка,
Кукует кукушка,
Морочит морошка.
Хмельной соловей
Распеваает частушку,
Детишки в лесу
Распивают чекушку.
Влюбленная пара
Ушла в уголочек,
Примятая травка,
Примят клеверочек...
В деревне колхозница
Бьет пустолайку,
Колхозник выводит
Во двор балалайку.
А там, где резвятся
Букашки и мошки,
Поэт вдохновенно
Поет без гармошки.

Андрей-70
(Андрей Вознесенский)

Беру трагическую тему
и окунаю в тему темя,
дальше начинается невероятное.
Вера? Яд? Ной? Я?
Верую!
Профанирую, блефуя!!!
Фуй...
Чихая нейлоновыми стрекозами,
собаки планируют касторкой на вельвет,
таракашки-букашки кашляют глюкозой.
Бред? Бред.
Пас налево. Семь трэф. Шах!
Мыши перламутровые в ушах.
– БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД –
Троллейбус заболел кессонной.
Изоп уполз. Слон – «элефант».
И деградируют кальсоны,
обернутые в целлофан.
– БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД -
Хаос. Хвост. Хруст. Пруст. Вуз. Туз.
Загораем. От мертвого осла уши. Кушай!
(Чревоугодник в чреве червя.)
Шпрот в рот. А идиот – наоборот.
– БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД –
Джаз-гол! Гол зад! Гол бюст!
Холст. Герлс. Хлюст.
Я опууупеваю...
Я опууух...
Вкусно порубать Ге!

Фетиш в шубе:

голкипер фаршированный фотографируется в Шубе,

хрен хронометрирует на хребте Харона

харакири. Хррр!!

«Ау, – кричу, – задрыга, хватит, финиш!»

Фигу!

(Это только часть

задуманного мною триптиха.)

P. S.

Сам уйду, покуда не умыли,

но, клянусь, что бредил я не зря,

ведь еще никто в подлунном мире

не пускал

такого пузыря!

Моя речь

(Александр Говоров)

Я лемех ценю

У крестьянского плуга.

Я честность ценю

У врага

И у друга. Александр Говоров

Я лемех ценю

У музейного плуга.
Я промах ценю
У хорошего друга.

Я, честное слово,
Люблю свою хату,
Люблю я быка
И корову брюхату.

Матрены, Глафиры,
Варвары, Настасьи
Росли без кефира,
Но верили в счастье.

Теперь
Пелагеи,
Анфисы,
Арины
Все больше Изольды,
Инессы,
Марины!
И смотрят на все это,
Слез не тая,
Добрыня с Алешей
И Муромец. Я.

Да здравствуют предки,
Обутые в лапти!
Да здравствуют дедки,
Да здравствуют бабки!

Да здравствуют внуки,
Да здравствуют внучки,
Да здравствуют внучки,
Одетые в брючки!

Ай, кажется, вышли
Плохие стихи.
Ой, мне разрешается,
Я – от сохи!

Спи, ласточка
(Николай Грибачев)

Спи, ласточка. День шумный кончен. Спи!
И ничего, что ты со мной не рядом...

Мир в грохоте событий, в спешке дел,
Глаза воспалены, и плечи в мыле. Николай Грибачев

Спи, деточка. Спи, лапочка. Усни.

Закрой глаза, как закрывают пренья.

Головку на подушку урони,

А я сажусь писать стихотворенья.

Я не скрываю, что тебя люблю,

Но дряни на земле еще до черта!

Вот почему я никогда не сплю,

И взгляд стальной, и губы сжаты твердо.

Нет, девочки! Нет, мальчики! Шалишь!

Нет, стервецы,

что яму нам копают!

Я знаю, что они, пока ты спишь,

Черт знает что малюют и кропают!

Ты отдыхай.

А я иду на бой,

Вселенная моим призывам внимлет.

Спи, кошечка. Спи, птичка. Я с тобой.

Запомни, дорогая: друг не дремлет!

Нам бы ямбы

(Осип Колычев)

Стиляжьи штиблеты модерна
Порой не натянешь никак.
Но служит спокойно и верно
Разношенный ямба башмак. Осип Колычев

Пусть помнят стилиаги и монстры,
Как, дверь запирая на крюк,
Ношу я свободно и просто
Поношенный ямба сюртук.

Пусть те, кто бесстыдно поносит
Меня за излюбленный штамп,
Поймут, что хотя я и Осип,
Но все-таки не Мандельштам!

Пусть те, кто не знает России,
Увидят меня за столом
В портах амфибрахия синих,
С нахмуренным гневно челом.

Извечный противник модерна,
Я с классикой с детства дружу.
С тех пор я спокойно и верно
В галоше хорея сижую!

Мерин

(Валентин Кузнецов)

Петух на сумерки покрикивал,

Сухой соломою шуршал...

А он бежал. Ногами взбрыкивал

И ржал!.. Валентин Кузнецов. «Жеребенок»

В деревне хрипло и уверенно

Вовсю орали петухи.

А я стоял, читая мерину

Свои последние стихи.

В глазах круги и мельтешение.

Береза. Сад. Колодец. Сруб.

Потел от жаркого волнения

Его не знавший ласки круп.

А я читал. Порою вскрикивал.

А иногда немножко пел.

Он слушал и ногами взбрыкивал.

Ушами прядал. И храпел.

Тянул к тетрадке морду жадную,

Потом вздохнул. И задрожал.

И в первый раз за жизнь лошадную

Заржал!

Дитя вокзала

(Станислав Куняев)

Полжизни прошло на вокзалах –
в Иркутске, в Калуге, в Москве,
и несколько мыслей усталых
осело в моей голове. Станислав Куняев

Висит в переполненном зале
задумчивый дым папирос.
Мне кажется, я на вокзале
родился, учился и рос.

С баулами и рюкзаками
из тамбура в тамбур сигал.
И то, что добро с кулаками,
должно быть, я здесь постигал.

И что бы мне там ни сказали,
я знаю, и верю, и жду,
что именно здесь, на вокзале,
я личное счастье найду.

Я в самом возвышенном смысле
работу даю голове,
считаю осевшие мысли:
одна, и еще одна... Две!

Долюшка
(Иван Лысцов)

Ворога вокруг пообъявились,
Знай снуют, орясины,
твистя.
И откуль она,
скажи на милость,
Привзялась, такая напастя?

Что им стоит, супостатам ярым,
Походя наплюнуть в зелени...
Я насустречь
вышел не задаром, –
Ольняного, не постичь меня!

Слово самоцветное сронили,
Встряли нам, певцам,
напоперек.

Помыкнули нами, забранили...

Я ж их – хрясь! – дубиной.

И убег.

Я сам-друг на страже.

Не забуду

За глухими в оба доглядать.

Не сыпая ночи, дрючить буду,

Чтобы не вылазили опять.

Лесная буза

(Юнна Мориц)

Был козлик тощий и худой,

И жил он у старухи нищей,

Он ждал соития с едой,

Как ангел – с вифлеемской пищей.

Он вышел в лес щипать траву,

Бездомен, как герой Феллини.

Алела клюква в черном рву,

Господь играл на мандолине,

И рай явился наяву!

Козла трагичен гороскоп,
Раскручена спираль сиротства.
Жил волк, бездушный мизантроп,
Злодей, лишенный благородства.

По челюстям сочилась брань
Картежника и фанфарона.
Он ждал! Была его гортань
Суха, как пятка фараона.

Он съел козла! Проклятье злу
И тем, кто, плоти возжелая,
Отточит зубы, как пилу,
Забыв о том, что плоть – живая!
Старуха плачет по козлу,
Красивая и пожилая.

А волк, забыв о Льве Толстом,
Сопит и курит «Филип Моррис»,
Под можжевелевым кустом
Лежит, читая Юнну Мориц,
И вертит сумрачным хвостом.

Письмо Франсуа Вийону

(Булат Окуджава)

Добрый вечер, коллега!

Здравствуйтесь, Франсуа!

(Кажется, по-французски

это звучит «бон суар».)

Скорее сюда, трактирщик, беги

и вина налей.

Мы с вами сегодня живы,

что может быть веселей!

Но в темную полночь

именем милосердного короля

На двух столбах с перекладиной

приготовлена вам петля,

И где-то писатель Фирсов,

бумагу пером черня,

Был настолько любезен,

что вспомнил опять про меня.

Все барабанщики мира,

пока их носит земля,

Пьют за меня и Киплинга

капли Датского короля,

И сам Станислав Куняев,
как белый петух в вине
(Правда, красивый образ?),
речь ведет обо мне.

Мы с вами, мой друг, поэты,
мы с вами весельчаки;
Мы-то прекрасно знаем,
что это все – пустяки.

Кому-то из нас (подумаешь!)
не пить назавтра бульон...
Да здравствуют оптимисты!
Прощайте, месье Вийон!

Мореплаватель
(Григорий Поженян)

Лягу в жиге дорожной,
постою у плетня.
И не жаль, что, возможно,
не узнают меня. Григорий Поженян

Надоело на сушу
пялить сумрачный взор.
Просмоленную душу
манит водный простор.

Лягу в луже дорожной
среди белого дня.
И не жаль, что, возможно,
не похвалят меня.

А когда я на берег
выйду, песней звеня,
мореплаватель Беринг
бросит якорь. В меня.

Блики
(Владимир Савельев)
По страницам книги «Отсветы»
Снятся мне
кандалы, баррикады, листовки,
пулеметы, декреты, клинки, сыпняки...
Вылезаю из ванны,
как будто из топки,
и повсюду мерещатся мне беляки.

Я на кухне своей без конца митингую,
под шрапнелью
за хлебом ползу по Москве,
в магазине последний патрон берегу я
и свободно живу без царя
в голове.

Зов эпохи крутой
почитая сигналом,
для бессмертья пишу между строк молоком,
потому что, квартиру считая централом,
каторжанским с женой
говорю языком.

Я и сам плоть от плоти фабричного люда,
зажимая в кармане
последний пятак,
каждый день атакую
буржуйские блюда
и шампанское гроблю, туды его так!

Мы себя не жалели.
И в юности пылкой
в семилетнюю школу ходили, как в бой.
Если надо,
сумеем поужинать

вилкой
и культурно
посуду убрать за собой.

Безвыходное творчество
(Марк Соболев)

Всю душу разодрав на клочья
и каждый нерв растеребя,
я погибал сегодня ночью –
я перечитывал себя. Марк Соболев. «Творчество»

Всю ночь я шевелил губами,
сучил ногами, пол дробя;
я мерзко выл, скрипел зубами, –
я перечитывал себя.

Я от стыда пылал, как спичка,
себя готов был разорвать.
Гори она огнем, привычка –
как заведенный, рифмовать!

Довольно, хватит! Слово чести,
я образ жизни изменю!
Да провалиться мне на месте,

когда хоть строчку сочиню!

Да будь я проклят, если сяду
опять за стол с пером в руке!
Чтоб выпить мне пол-литра яду,
чтоб утонуть мне в молоке!!

Глаза б вовеки не глядели
на этот ворох чепухи...
Но ежедневно, встав с постели,
я вновь сажусь писать стихи.

Романс без контрабаса
(Владимир Соколов)

У меня совсем другое
Было на уме... Владимир Соколов. «Романс»

Кто-то что-то пишет где-то.
В голове темно.
Есть сюжет иль нет сюжета –
Это все равно.

Может, это? Нет, не это.

Но ведь и не то.
Не зима. Но и не лето.
Надевай пальто.

Акварельная картинка.
Серебрится лес.
Тихо крутится пластинка.
Я в себя залез.

Хорошо в себе! Конфета
Тает на губе.
Я лежу. Читаю Фета,
Надоев себе.

Кто-то в душу влез без мыла,
Значит, я поэт.
У попа была кобыла,
Впрочем, тоже нет.

Я пошевелил ногою.
Кот чихнул во тьме.
...У меня совсем другое
Было на уме.

Ночной разговор

(Владимир Туркин)

В изголовье уснувшего города

Только звезды, да Пушкин, да я... Владимир Туркин

Город спит и во сне улыбается,

В небе звезды мерцают, маня.

Александр Сергеевич

Мается –

В изголовье сидит у меня.

Посидел, помолчал, пригорюнился,

Головою курчавой трясет...

– Что, брат, Пушкин? – в сердцах говорю ему.

– Ничего, – молвит, – так как-то все...

Скушно, сударь. Куда бы полезнее

Почитать.

Где же книжка твоя?

Так-то, брат. В изголовье поэзии

Только звезды, да Туркин, да я.

Жарко!

(Игорь Шкляревский)

В столовой автопарка жарко!
Внизу шурует кочегарка.
В окне блестит электросварка.
А со стены глядит доярка. Игорь Шкляревский

Сижу в столовой автопарка.
В столовой автопарка жарко.
От щей в желудке – кочегарка.
В глазах блестит электросварка.
Ко мне подходит санитарка.
А санитарку звать Тамарка.
Она по паспорту татарка.
А у нее в руках припарка.
А со стены глядит доярка.
Ее зовут, наверно, Ларка.
Есть у нее сестра – свинарка.
И муж – бухгалтер зоопарка.
На горизонте – друг Захарка.
С Захаркой друг его Макарка.
В зубах у первого цигарка.
А у того в кармане старка.
Сидим в столовой автопарка.
Там где-то жуткая запарка.
А нам ни холодно, ни жарко.
Нам хорошо! Эх, старка, старка...

Приключение в комиссионном магазине

(Белла Ахмадулина)

Затормозил изящный лимузин,
в пути не сбившись с усложненной трассы,
и я, дитя сомнений и пластмассы,
вошла в комиссионный магазин.

Среди партикулярного старья
нашла колпак, которого алкала
душа моя. С изяществом бокала
у зеркала остановилась я.

Он выглядел как старый баклажан,
в нем было что-то от орды татарской,
от благовоний шашлыка по-карски,
карающих безумных горожан!

В углу рыдал гриппозный продавец...
– Вы говорите, шил колпак художник?
– Помилуйте! – А кто? – Да он сапожник,
он вертопрах и Каин, наконец!

Печальна сущность злых полугримас!
Изящен хор больных столпотворений!

Оплаканы сюрпризы повторений,
хрустально изнуряющие нас...

Я молвила: – Колпак упаковать!
Мне ненавистны нити канители,
заняться надо им на той неделе
и горестно переколпаковать.

С тех пор, томясь сознанием вины,
взывал во мне нездешний голос мрака.
Я, наконец, устала как собака
и продала колпак за полцены.

Баллада о Кларе
(Николай Доризо)

Клара,
Девочка,
Вихрем влетает ко мне.
От смущения я
Прилипаю к стене.
– Понимаете, Коля,–
Она говорит, –
У меня, понимаете,
Сердце горит!

Полюбила я Карла,
А он – идиот.
Он позорной,
Неправильной жизнью живет!
Он женат на мещанке,
На глупой козе...
Понимаете,
Он на неверной стезе!

Он меня, представляете,
Выгнал взашей
И кораллы
Из розовых вынул ушей.
Помогите! –
Подумав, я дал ей совет:
– Украдите
У этого Карла кларнет!

О святая наивность,
Ты кредо мое.
О святая невинность,
Храните ее!

...Тут она засмеялась
Светло и земно

И на крыльях любви

Упорхнула в окно.

Я к окну подошел –

Хорошо на душе!

Я не зря

На десятом живу этаже.

Баллада о левом полузащитнике

(Евгений Евтушенко)

Устав от болтовни

и безыдейности,

заняться я хочу

полезной деятельностью,

в работу окунувшийся

по щиколотку,

я в левые иду

полузащитники.

Что б ни болтали

шкурники и лодыри,

в команде нашей

стал я первым номером!

Я получаю мяч. Бегу.

Мне некогда,

тем более что пасовать мне некому,

а если бы и было –
на-кась, выкуси! –
я сам хочу
финты красиво выполнить.
И вот уже
защита проворонила,
и я уже возник перед воротами,
вопят трибуны –
мальчики и девочки, –
и мне вратарь
глазами знаки делает...
Я бью с размаху
в правый верхний угол,
бросок! Вратарь
летит на землю пугалом,
но где уж там...
Удар неотразимый,
как материт меня
вратарь-разиня!
Я оглушен
команды нашей криками,
и тренер
как-то очень странно кривится,
и голос информатора
противный:
«Счет 0:1».
Ликует... наш противник.
И по трибунам
ходят волны ропота,
ах, черт возьми,

я бил в свои ворота!
И сам себе
я повторяю шепотом:
«А что потом,
а что потом,
а что потом?..»

Баллада об убиенном козле
(Фазиль Искандер)

Когда-то давно по горам я шел,
я шел по горам пешком.
И встретился мне на пути козел,
с которым я не был знаком.

Я до сих пор не могу понять,
как он туда залез...
Стояли друг против друга мы.
Козел с рогами, я – без.

Узка тропинка, внизу обрыв,
дна пропасти не видать.
Стояли мы часа полтора,
мы долго могли стоять.

Но я торопился, в Москву спешил,
как полуабрек, был зол.
– Уйди, – сказал я, – с дороги прочь!
Уйди с дороги, козел!

Пока не поздно, уйди, пока
не вижу в тебе врага... –
Но он (шайтан!) промолчал в ответ
и лишь наклонил рога.

– Ах так! – сказал я. – Козлиный хвост!
Стало быть, не уйдешь?!
Тогда уничтожу тебя я так,
как уничтожают вошь!

Пускай поможет тебе аллах
(не знаю козьих богов!). –
И я с разбегу ударил лбом
промеж козлиных рогов.

Вот так я закончил дело, вот так
я смог наконец пройти.
А брэнного тела его до сих пор
нигде не могут найти.

Я и теперь помянуть готов
(мир праху его!) козла,
Если виновен, пусть Козлотур
рассудит наши дела.

Да здравствует дружба! Сегодня мы
за это сидим и пьем.
Но если тропа как кинжал узка,
так что ж не ударить лбом?

Случай в Коп-Чик-Орде
(Сергей Марков)

Жирный лама Жамьян-жамцо,
Погрязший в смертном грехе,
Всем говорил, что видел в лицо
Богиню Дара-ехэ.

И в Эликманаре и в Узнези,
В ущельях горных – везде
Я слышал хвалы тебе, Ээзи,
Живущему в бурной воде. Сергей Марков

Пахла ночь, как голландский сыр,
Когда, прожевав урюк,

Ушел искать красавец Тыр-Пыр
Красавицу Тюк-Матюк.

Сто лет искал он ее везде,
На небе и под водой.
Нашел он ее в Коп-Чик-Орде,
Что рядом с Кишмиш-ордой.

Она вскричала: «Бэбэ, мэмэ!
Полундра! Мизер! Буза!»
Хотя он не понял ни бе ни ме,
Сверкнули его глаза.

Призвал к себе их абориген,
Владыка Туды-Сюды.
И жирный лама Глотай-Пурген
Сказал им: «Аллаверды!»

Еще сказал он: «Пардон, батыр,
Битте-дритте Утюг!»
И пала в объятия красавцу Тыр-Пыр
Красавица Тюк-Матюк.

Хлеб, любовь и Азия

(Гарольд Регистан)

По мотивам поэмы «Звезды в снегу»

На полевом далеком стане

(Не уточняю, что за стан)

Однажды в труженицу Маню

Влюбился труженик Степан.

Она сама к нему тянулась,

Шептал он что-то, к ней припав...

И это дело затянулось

На много полновесных глав.

И вдруг он встал.

– Послушай, Манька!

Послушай, звездочка моя,

Прости, любимая, но встань-ка,

Гляди, о чем подумал я.

Я за тебя отдам хоть царство,

С тобою быть всегда готов,

Но знаешь, сколько государству

Мы можем недосдать пудов?!

Она вскочила.

– Невозможно!

Пошли! Того гляди, гроза...

И разом вспыхнули тревожно

Их изумрудные глаза.

О как они в труде горели!

На них залюбовался стан.

Они умаялись, вспотели,

Но перевыполнили план!

Не сорвались хлебопоставки...

Над степью плыл густой туман.

И снова на широкой лавке

Марусю обнимал Степан.

И вновь она к нему тянулась,

Шептал он что-то, к ней припав.

И это снова затянулось

На много полновесных глав.

Больше не хочу!

(Екатерина Шевелева)

Я была в Женеве, Бонне, Ницце,

До чего же скучно за границей!

Целый год томилась я в Париже,
Мне Перхушково духовно ближе.

На Монмартр ходила, не робела,
Но, придя, о Зюзине скорбела.

Я мартель и арманьяк пивала,
Но о «Трех семерках» тосковала.

Проезжая Вену в «мерседесе»,
Мне хотелось на трамвай в Одессе,

А в отелях Дели и Мадраса
Не нашлось московского матраца...

В Филадельфии дрожали губы:
«Надоело. Поскорее в Мгу бы!»

В Токио мне ночью снилась Шуя...
Крест поездок на себе ношу я.

Боже мой, к кому бы обратиться,
Чтоб не ездить больше за границу!

Ремесло

(Яков Белинский)

Легко сапожнику: сработал сапоги –
пощупай хром! И каждому из тыщи
понятно, что хорош... О бедные стихи,
у вас – ни каблуков, ни голенища. Яков Белинский

Поэтам нелегко.

Мастеровым пера
до подлинного далеко искусства;
то смысл насквозь течет,
а то в строфе дыра,
спадает форма,
жмет безбожно чувство.

А то еще, глядишь,
стихов не тот размер
глухое вызывает раздраженье.
Сапожники – вот кто классический пример
трудящихся, достойных уваженья!

В поэзии – для них
доступным быть хочу.
На разговоры лишних слов не трачу,
в руках сапожный нож,
то бишь перо, верчу,
подметки строф
гвоздями рифм собачу.

Спины не разогну,
как белый раб, тружусь,
искусство – ремесло, учти, художник.
Вот почему всегда
я так собой горжусь,
когда мне говорят, что я – сапожник!

Мы чаврим
(Михаил Беляев)

Обнажилась девушка в лесу...

Хочется остановиться,
Но стоять не хочется.

И зачаврит она,
Как в дождях колосок. Михаил Беляев

Я в смятенье,
Головой трясу.
Снял очки, глаза протер рукою.
Обнажилась девушка в лесу.
В первый раз
Увидел я такое!

Надо бы уйти,
Но не могу.
Посидеть решил – так не сидится!
Лег на траву –
Отлежал ногу,
Встал, но тоже плохо – не стоитя.

Крикнул: «Эй!» –
И вижу – вот те на! –
У нее глаза на мокром месте...
Я зачаврил,
Чаврит и она,
Лучше, если мы зачаврим вместе.

Бутылка
(Валентин Берестов)

Среди развалин, в глине и в пыли

Улыбку археологи нашли...

Молчок. Щелчок. И – праздник позади... Валентин Берестов

Среди развалин, в глине и в пыли

Бутылку археологи нашли.

Кто знает, сколько ей веков иль дней.

«Московская» написано на ней.

«Особая» добавлена внизу.

Я улыбнулся и смахнул слезу.

Взошла луна, и долго при луне

Находку созерцал я в тишине.

...Пещера. Питекантропа рука.

Пол-литра. Птеродактиль табака.

Сгрудились питекантропы. У них

Глаз-ватерпас – чтоб ровно на троих!

Иначе в глаз – и впредь не подходи.

Кусок. Глоток. И – эра позади.

Феерическая фантазия

(Петр Вегин)

Но во Флоренции

фонари – словно реплика в споре фокусника
и философа.

Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты. Петр Вегин. «Фонари Флоренции»

Фи! Фонтан фраз

на фронтоне филиала Флоренции
как фото фронта Фомы во фраке философа,
как фальцет форели,
фетр в футляре флейты,
фунт фольги, филателия фарфора.

Фехтование ферзем,
как филе из филина с фруктами
для фарисея, фараона, феодала
и фанфарона Франца-Иосифа.

Флора. Фауна. Фортуна. Фонари.

Фигли-мигли. Фокус-покус. Формализм.

Фисгармония фатальных Фермопил.

Факты. Фанты. Фрукты. Федор Фоломин.

Фиакр фанаберии фосфоресцирует фиестой
в сфере флюидов фисгармонической феерии

на фуникулере фестиваля фиалок.

Флюс Люцифера, фимиам Бонифация, фиги Нафанаила –
фарс марафона, нафталин на патефоне,
сифон фаворита из Карфагена...

Фату фата –

фифти-фифти фунт фикции

фантазирующему под Франца Кафку в феврале

на файф-о-клоке

на пуфе с туфлей Франчески.

Но вот

из сфер фальцетом Фантомас:

– О, Фегин, фы фелик! Я поздрафляю фас!

Но я за фас трефожусь – фдруг

Андрюфа Фознесенский фыркнет: «Фу-ух!..»

Философия в штанах

(Константин Ваншенкин)

Уже знакомы с Гегелем и Кантом,

И сами не последние умы,

Но шаровары те с армейским кантом

В студенчестве еще таскали мы. Константин Ваншенкин

Уже влечет к изысканной культуре,

Освоен Кант, уже прочел «Муму»,

И сам работаю в литературе,

Давая выход острому уму.

Пора уж вроде становиться в позу,
Но не поставьте искренность в вину,
Любую философскую Спинозу
Я променять готов на старшину.

Подобного афронта в том причина,
Что к дисциплине тянет с давних лет.
Хотя в штанах цивильных я – мужчина,
Но без штанов армейских – не поэт!

Клопус вульгарис
(Евгений Винокуров)

Его приход
Потряс меня, как электрический разряд!
Он двигался, ритмично шевеля
Усами.
Он приоткрыл завесу
Над глубочайшей тайной мирозданья.
Его пути лекальная кривая
Дышала благородным донкихотством,
Архитектоника
Напоминала купол храма Ники.
Безумец, современный Герострат,

Он шел на смерть! Ему была чужда
Слепая иерархия природы.
Молебствия, сказал бы я, достойна
Патетика героики его,
А может быть, героика патетики,
Что тоже
Красиво, хоть и не совсем понятно.
И в тот же миг
Я левою рукой схватил перо, а правой
Надавил!! И запах коньяка
Потряс,
Ожег меня,
Как греческий огонь!
Ну, отвечайте,
Не профанация ли это –
Назвать живое, мыслящее тело
«Клопус вульгарис»?!
Вот видите,
Как много может дать
Простое созерцанье
Обыкновенного клопа.

Глазковиада

(Николай Глазков)

Что вижу я во тьме веков?

Кто мне под стать? Не вижу... Словом,

Стоит Глазков, сидит Глазков
И восторгается Глазковым.

Что ныне глаз Глазкова зрит?
Кто смеет не учесть такого:
Глазков Глазкову говорит
О гениальности Глазкова!

Все – чушь, не будь моих стихов!
И в будущем, поверьте слову,
Опять Глазков! Один Глазков!!
Дороги все ведут к Глазкову!!!

Короче, вывод мой таков,
И больше нету никакого:
Есть бог в поэзии – Глазков
И я, Глазков, пророк Глазкова...

Медведь
(Анатолий Жигулин)

Как-то в чертовой глухомани,
Где ходить-то надо уметь,
Мне в густом, как кефир, тумане

Повстречался шатун-медведь.

Был он страшно худой и нервный

И давно, как и я, не сыт.

Я подумал:

«Убьет, наверно.

Он голодный как сукин сын».

Что ж поделаться, такая доля.

Не такой уж я важный гусь...

Вдруг сказал он:

– Ну что ты, Толя,

Ты не бойся, я сам боюсь.

Под холодным и хмурым небом

Так и зажили мы рядком.

Я его подкармливал хлебом,

Он делился со мной медком.

Путь его мне теперь неведом,

Но одно я запомнил впредь:

Основное – быть человеком,

Даже ежели ты медведь.

Для того ли?

(Василий Журавлев)

Для того ль

Мичурину

усталость

не давала роздыха в пути,

чтобы ныне

вдруг такое случилось:

яблока в Тамбове не найти?! Василий Журавлев

Нету яблоч!

Братцы, вот несчастье!

Мочи нету взять такое в толк.

Где-то слышал я,

что в одночасье

яблоки пожрал тамбовский волк.

Для того ль

ловили наши уши

песню молодых горячих душ

«Расцветали яблони и груши»,

если нет

ни яблоч

и ни груш?!

Для того ль

Мичурин,
сын России,
скрещивал плоды в родном краю,
чтобы
из Марокко апельсины
оскорбляли
внутренность мою?!

Нету яблоч!

Я вконец запутан,
разобраться не могу никак.
Ведь за что-то
греб зарплату
Ньютон,
он же, извиняюсь, Исаак!

И от всей души землепроходца восклицаю:

«Надо ж понимать, что-то нынче
яблочка мне хотца – очередь
не хотца
занимать!»

Сердце, полное бумаг

(Алексей Заурих)

Работа на почте.

Рассвет.

Этажи.

Я нес пробуждение в сонные души.

И, словно цветные – в окне – витражи,

Горели мои

вдохновенные уши.

Мне мало платили,

но я не хотел

Работы другой,

заявляю железно.

Я так восхитительно-крупно потел,

Себя ощутив

молодым и полезным.

В одном переулке,

в заветном окне,

Девчонка знакомая мне улыбалась,

Мечтая всю ночь напролет обо мне...

Недаром же мне

постоянно

икалось!

Меня уважали,

кормили треской,

На кухню пускали,

поили бульоном...

А ныне сижу,

напевая с тоской:

«Когда я на почте служил... почтальоном!»

Кому нужна гитара

(Александр Кушнер)

Еще чего, гитара!

Засученный рукав.

Любезная отравка.

Засунь ее за шкаф.

Пускай на ней играет

Григорьев по ночам,

Как это подобает

Разгульным москвичам. Александр Кушнер

Спасибо, Кушнер Саша,

Спасибо за совет.

Тебе столица наша

Передает привет.

Хотел я ту гитару

Подруге подарить...

Да ну ее, отраву!

Еще начнет корить.

Нет, подарю другое...

И, вмиг решив вопрос,

Я трепетной рукою

Твой сборник преподнес.

Она вскричала: – Bravo!

Ты, безусловно, прав.

Какая прелесть, право!

Засунь его за шкаф!

Пушка

(Сергей Островой)

Вижу давних времен опушку.

Плачут кони. Горят дома.

Разрядите меня, как пушку,

А не то я сойду с ума. Сергей Островой

Слышу в дальнем лесу кукушку.

Вижу пламя. Чего-то жгут.

Заряжают меня, как пушку.

Плачут кони. И люди ржут.

Я немного того... от счастья,
Но при деле зато всегда.
Заряжаюсь с казенной части
И стреляю туда-сюда.

Предо мной лежит панорама.
Я готов начинать обстрел.
Отойдите. Осечка. Мама!
Неужели я отсырел?!

Я стрелять хочу. Я упрямый.
Жаль, увозит жена домой.
(Я жену называю мамой,
А она меня – мальчик мой.)

Скоро выстрелю в вас поэму.
Привкус пороха на губах.
Я устал. Закрываю тему.
Разрядите меня. Ба-бах!

Заколдованный круг
(Юрий Ряшенцев)

Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр.

– Где вы служите, подруга?

– В АПН. Юрий Ряшенцев

Говорит моя подруга, чуть дыша:

– Где учился ты, голуба, в ЦПШ[1]?

Чашу знаний осушил ты не до дна,

Два пи эр – не площадь круга, а длина,

И не круга, а окружности притом;

Учат в классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!

И наука их, как видно, не берет.

Их в банальности никак не упрекнешь,

Никаким ключом их тайн не отомкнешь.

Все б резвиться им, голубчикам, дерзать.

Образованность все хотят показать...

Орех

(Вадим Сикорский)

Мне больше прочих интересен – я.

Не надо иронических усмешек.

Объект для изучения бытия

я сам себе. Я крепенький орешек. Вадим Сикорский

Не смейтесь! Не впадайте в этот грех.

Не кролик я, не мышь, не кот ангорский.

Я убедился в том, что я – орех.

Не грецкий, не кокосовый – Сикорский!

Приятно говорить с самим собой,

Впитать себя в себя подобно губке.

Вселенная открыта пред тобой,

Когда пофилософствуешь в скорлупке,

Когда порассуждаешь о мирах

Без видимых физических усилий...

Но временами наползает страх –

Боюсь, как бы меня не раскусили.

Береза

(Ирина Снегова)

Березы – это женщины земли... Ирина Снегова

Да, я береза. Ласковая сень

Моя –

приют заманчивый до всхлипа.

Мне безразлично, что какой-то пень

Сказал, что не береза я, а липа.

И нипочем ни стужа мне, ни зной,

Я все расту; пускай погода злится.

Я наливаюсь каждою весной,

Чтоб в «Августе»[2] талантливо излиться.

Пусть критик

на плетень наводит тень,

Пусть шевелит зловредными губами.

Мы, женщины-березы,

каждый день

Общаемся с мужчинами-дубами.

Разговор с вороном

(Николай Тряпкин)

Говорят – промчатся годы,

и кругом померкнут воды,
И восходы и закаты
запакуются в багаж;
И фотонные ковчеги
прорыдают в мертвом снеге,
А потом за пылью Млечной
промерцают, как мираж. Николай Тряпкин

Как-то в полночь за деревней
я сидел на лавке древней,
И, чего-то вспоминая,
кой о чем подумал я.

Вдруг летит из мрака птица,
на плечо ко мне садится,
И скажу я вам, ребята,
обмерла душа моя.

Я сказал ей: «Птичка божья,
ты на всех чертей похожа,
На испуг берешь поэта,
чтоб тебя, нечистый дух!

Отвечай-ка мне без спора,
буду ль я прославлен скоро,
И когда по всей России
обо мне промчится слух?»

Погрустнела ворон-птица,
головой вниз клонится,
Жутко стало отчего-то;
темнота вокруг и тишь...

Наконец, расправив перья,
скрипнув клювом, точно дверью, –
Nevermore! – прокаркал ворон,
что по-русски значит «шиш».

Чудеса перевода

Где ты, где я?

(Михаил Квливидзе / Белла Ахмадулина)

О, уезжай! Играй, играй
в отъезд. Он нас не разлучает.

О глупенькая! Рви цветы,
спи сладко иль вставай с постели.
Ты думаешь, что это ты
идешь проспектом Руставели?

А это я. Михаил Квливидзе. Из стихотворения «Я и ты» в переводе Беллы Ахмадулиной

Читатель мой! Ты взят в полон,
ты на дуэль талантов вызван.
Ты думаешь, что это – он,
грузинский лирик М. Квливидзе!

Но здесь и не было его.
Кавказский дух его не бродит
меж этих строк. И оттого
здесь чудеса. Здесь переводят!

О, размышляй, идя домой,
кто все так дивно усложняет!
Кого тебе, читатель мой,
все это – о! – напоминает?

Здесь горестно рука моя
прошла по подлиннику смело...
Сие писал не он, а я,
о Ахмадулина, о Белла!

Песня о наших делах

(Сильва Капутикян / Евгений Евтушенко)

А где-то праздничные, разные,
забившись тихо в уголки,
в земле таились камни радости,
как бы под пеплом угольки. Сильва Капутикян. Из стихотворения «Песня о наших камнях» в переводе Евгения Евтушенко

Мы занимались переводами,
переводя друзей своих.
И появились в периодике
стихи –
не наши и не их.

А мы поэзию армянскую
переводили – кто бы знал! –
и люди плакали, как маленькие,
влюбленные в оригинал.

А мы, натруженные, разные
и где-то праздные вразрез,
вгоняли в строфы рифмы радостные,
как будто только с Братской ГЭС!

Моя топография
(Матвей Грубиан / Ярослав Смеляков)

Не ради шутки в общем разговоре,

Не для того, чтоб удивить семью,

Хотел бы я на побережье моря

Поставить типографию свою. Матвей Грубиан. Из стихотворения «Моя типография» в переводе Ярослава Смелякова

Не ради перевыполнения плана,

Не для того, чтоб прокормить семью,

Хочу в стихи Матвея Грубиана

Поставить интонацию свою.

Его стихи я строго обстругаю,

Сначала, впрочем, строго подпилю,

Где надо – по-отцовски обругаю,

Где надо – безответно люблю.

Тогда сосредоточенно и рьяно

Заговорит под грохот молотков

Стихами Ярослава Грубиана

Поэт Матвей Васильич Смеляков!

Из книги «Откуда что...» (1975)

Хлопцы и Шекспиры

(Михаил Годенко)

Не надо, хлопцы, ждать Шекспиров,
Шекспиры больше не придут.
Берите циркули, секиры,
Чините перья – и за труд.

...Про Дездемону и Отелло

С фуфайкой ватной на плече. Михаил Годенко

Не надо, хлопцы, нам Шекспиров,
Они мой вызывают гнев.
Не надо гениев, кумиров,
Ни просто гениев, ни «евг».

Неужто не найдем поэта,
Не воспитаем молодца,
Чтоб сочинил он про Гамлета
И тень евонного отца.

Да мы, уж коль такое дело,
Не хуже тех, что в старину...
И мы напишем, как Отелло
Зазря прихлопнуло жену.

Все эти творческие муки
В двадцатом веке не с руки.
Все пишут нынче! Ноги в руки,

Точи секиру – и секи!

Вот как навалимся всем миром,
Нам одиночки не нужны!
И станем все одним Шекспиром,
Не зря у нас усе равны!

Я к вам пишу
(Майя Борисова)

Во сне я вижу:
приезжает Пушкин.
Ко мне.
На светло-сером «Москвиче». Майя Борисова

«Я к вам пишу...» –
так начала письмо я,
Тем переплюнув многих поэтесс.
А дальше – от себя.
Писала стоя.
И надписала:
«Пушкину А. С.»

И дождалась!
У моего подъезда

Остановились как-то «Жигули».
Суров как месть,
неотвратим как бездна,
Выходит Пушкин вместе с Натали.

Кудряв как бог,
стремительный,
в крылатке,
Жену оставив «Жигули» стеречь,
Он снял цилиндр,
небрежно смял перчатки
И, морщась,
произнес такую речь:

– Сударыня, пардон,
я знаю женщин
И воздаю им должное, ценя,
Но прибыл вас просить,
дабы в дальнейшем
Вы не рассчитывали на меня... –

Стояла я
и теребила локон,
Несчастней всех несчастных поэтесс,
И вижу вдруг,
что едет мимо окон
И делает мне ручкою

Дантес.

Бабы

(Владимир Цыбин)

В деревне,

где вокруг одни ухабы,

в родимых избах испокон веков

живут себе,

на жизнь не ропщут бабы,

совсем одни живут, без мужиков.

Одни встречают, бедные, рассветы и дотемна – пахать, косить и жать.

– А мужики-то где?

– Ушли в поэты...

Все в городе, язви их душу мать!

Ядрены,

хоть никем не обогреты,

с утра до ночи всё у них дела...

В столице –

тридцать тыщ одних поэтов,

принес их леший в город из села!

Эх, бабы вы мои! Родные бабы!

И мне без вас не жизнь

и свет не свет...

Да я бы вас! Я всех бы вас!..

Да я бы!

Вот только жаль,

что я и сам поэт.

Мужчина на проверке

(Игорь Кобзев)

Ну так чем же мужчину проверить:

Юбкой? Брюками? Краской ТЭЖЭ?

Или тем лишь, что ходите в двери,

Где написано «М», а не «Ж»!..

Ах, если б я любил людей поменьше,

Мне не было б так в жизни тяжело Игорь Кобзев

Все мои беды из-за альтруизма,

Из-за наивной веры в красоту.

Я подорвал две трети организма,

Воюя против зла за доброту.

Девчонка без любви поцеловалась

И глазками кокетливо косит.

Я видел это! Сердце оборвалось

И с той поры на ниточке висит.

Не оборвите ниточку, злодеи!

Я хоть и рыцарь, но не юн уже...

Не опошляйте голубой идеи

О чистой дружбе между «М» и «Ж»!

Люблю людей. Люблю мужчин и женщин,

Детей и стариков, и даже тещ.

Ах, если б я любил людей поменьше,

Я не был бы так бледен, зол и тощ...

Я в брюки не засовываю руки,

Рукам я с детства воли не даю.

Я на мужчинах уважаю брюки,

На девушках лишь юбки признаю.

Я телом и душою чист, поверьте.

Живу как на последнем рубеже.

Я буду в «М» ходить до самой смерти,

Хотя меня и посылают в «Ж».

Михалыч

(Олег Дмитриев)

До того великолепен сад,
До того величественны дали,
Будто здесь всего лишь час назад
Александр Сергеича видали! Олег Дмитриев

Я иду, поэт Олег Михалыч,
Весь в наградах, важен, знаменит.
А навстречу Гавриил Романыч
По дорожке мелко семенит.

А за ним – Крылов Иван Андреич
Вышел и почтительно глядит.
Тут, конечно, Александр Сергеич:
«Не побрезгуй нами», – говорит.

Отчего ж? Могу. Остановились.
Речь неторопливую ведем.
Вдруг Сергей Владимыч появились
С Константин Михалычем вдвоем.

Подошли они и ну стараться –
Мне хвалу возносят в унисон.
...Просто не хотелось просыпаться,
До того великолепен сон!

Интерес к С.

(Дмитрий Сухарев)

К поэту С. питаю интерес,

Особый род влюбленности питаю... Дмитрий Сухарев

К поэту С. питаю интерес,

Особый род влюбленности питаю,

Его непревзойденным я считаю

Во всем, к чему ни прикоснется С.

Чудесно пишет. Дьявольски умен.

А как красив! Фигура Аполлона.

Изящен, как коринфская колонна,

И редким интеллектом наделен.

Высокий лоб, почти что римский нос,

Глаза грустны, но взор по-детски ясен.

Остановись, мгновенье, он прекрасен! –

Не помню кто, но кто-то произнес.

К нему понятен общий интерес,

Я этим фактом просто наслаждаюсь,

У зеркала еще раз убеждаюсь,

Как бесподобен этот самый С.!

Инцидент

(Марк Лисянский)

В лучах готическая арка,

Колонны в мраморном строю.

На площади святого Марка

Я, грешный Марк, в толпе стою. Марк Лисянский

Прекрасен Рим. Народу масса,

Толпа струится как река.

И вдруг я вижу Марка Красса,

Что уничтожил Спартака.

На площади святого Марка

Колонны в мраморном строю.

Мы повстречались с ним, два Марка,

Вот он идет, а я стою.

Подумайте: такая сволочь!

Шагает, тогу теребя...

Вдруг говорит он: «Марк Самойлыч,

Ты здесь! Приветствую тебя!»

Но я сказал, держась надменно:

– От имени широких масс

Я говорю вам откровенно:

«Вы негодяй, товарищ Красс!»

Был мой удар подобен смерчу,

И Красс в бутылку не полез,

Пробормотал: «Ариведерчи,

Синьор Лисянский!» – и исчез.

О резкости не сожалею,

Да, я суров, непримирим,

С тех пор я за «Спартак» болею

И не поеду больше в Рим...

Узы

(Сергей Поликарпов)

Давно не дразнят сверстники меня.

Как некогда,

Рязанцем косопузым.

Неужто же

Слабей день ото дня

Роднящие с землею отчей узы? Сергей Поликарпов

Все сверстники мои
Вперед ушли,
Во мне ж печальный поворот свершился.
Давно я оторвался
От земли,
Но так и ни к чему и не пришился.

Мне горько жаль
С землей роднящих уз;
Ослабли узы, отгорел румянец...
Неужто больше я не косопуз?
А может быть,
Я больше не рязанец?

Мой отчий край зовет меня, зовет...
Чтоб кладовые чувств не оскудели,
К земле я припадаю
Каждый год,
Буквально каждый год.
На две недели.

Брат и я
(Игорь Шкляревский)

Мой младший брат меня сильнее.

Мой младший брат меня умнее,
мой младший брат меня добрее,
решительнее и храбрее! Игорь Шкляревский

Мой младший брат меня умнее:

на мир не смотрит столбенея,
не знает, что такое грусть,
и крепок, как осенний груздь.

Мой младший брат не бил окошек,
мой младший брат не мучил кошек,
умом гораздо крепче брат:
он, дьявол, хитрый, – не женат.

Тщеславный, злой, чему ж я рад, –
тому, что брат меня сильнее?
Нет, мой любимый младший брат
стихов не пишет! Он умнее...

Следы на снегу
(Степан Щипачев)

А на дворе
ночного снега

нетронутая белизна,
где даже пес еще не бегал
с нуждой собачьей после сна. Степан Щипачев

Зима. Рассвет.

Морозно. Снежно.

Уняла ночь метельный бег.

И вот по-щипачевски нежно

ступаю я на белый снег.

Как утреннее солнце брызжет!

Какая белизна везде!

Со мною вместе

песик рыжий

выходит. Может, по нужде.

Ну так и есть. Задравши лапку,

остановился у куста.

А я смотрю. На сердце сладко,

какая в этом чистота!

Как это мудро, сильно, просто,

загадочнее звезд во мгле.

Вот песик. Небольшого роста –

частица жизни на земле.

Иду, от радости хмелея,
я удовлетворен вполне.
Жить стало легче, веселее
ему. А стало быть, и мне.

Профессор, поэт и Анна
(Давид Самойлов)

Профессор Уильям Росс Эшби
Считает мозг негибкой системой.
Профессор, наверное, прав. Давид Самойлов

Профессор фон Остен-Бакен,
Женатый на Инге Зайонц,
Считает, что мозга не существует,
А вместо него – опилки.

Профессор фон Остен-Бакен,
Конечно, большой ученый,
И я бы с ним согласился,
Когда б не соседка Анна.
Узнав об этом случайно,
Ко мне прибежала Анна,
Похожая на мадонну
Истопница нашего жэка.
– Какой-то там Остен-Бакен, –
Кричала мадонна Анна, –
Отрицает наличие мозга,

А значит, и интеллекта!
Да что же это такое,
Объясните, мосье Самойлов?
– Ах, боже, прошу вас, Анна, –
Сказал я как можно спокойней, –
Не стоит так волноваться.
Присядьте, мы все обсудим. –
Мы долго с ней рассуждали
Об экзистенциализме,
О Сартре и контрапункте,
Барокко и эклектизме.
И наконец решили:
Да хрен с ним, с профессором этим!
Не стоит о нем и думать,
Иначе наши опилки,
Того гляди, отсыреют!..

Болезнь века

(Анатолий Заяц)

В серьезный век наш,
Горла не жалея,
Махнув рукой на возраст и на пол,
Болеет половина населенья
Болезнью с кратким именем футбол. Анатолий Заяц

В серьезный век наш,

Сложный, умный, тяжкий,
Весь наш народ – куда ни погляди –
Болеет нескончаемой мультяшкой
С названием дурным «Ну, погоди!..»

Я возмущен.

Готов орать и драться,
Я оскорбленья не прощу вовек.
Какой-то Волк, мерзавец, травит Зайца,
А может, Заяц тоже человек?!

Ну, погодите!

Мы отыщем средство
И крепко злопыхателям влетит.
И вам, апологеты зайцеедства,
Поэзия
Разбоя не простит!

«Ну, погоди!..» – учебник хулиганов,
Считаю я и все мои друзья,
Имейте совесть, гражданин Папанов,
Ведь вы же Анатолий,
Как и я!!

Куда идти?

(Ашот Гарнакерьян)

Таков закон твой, жизнь!

Его не обойти.

И, значит, мой девиз –

Идти, идти, идти! Ашот Гарнакерьян

Я прибежал к врачу

загадочно больной:

– Я выяснить хочу,

что, собственно, со мной?

Тревожатся друзья,

и сам я весь дрожу.

Мне стоит сесть – и я

сизу, сизу, сизу...

Волнуется семья,

спасите жизнь мою!

Мне стоит встать – и я

стою, стою, стою...

Скажите не тая,

себя я не щажу!

Мне стоит лечь – и я

лежу, лежу, лежу...

Врач головой качал,
мял галстук на груди,
дослушал и сказал:
– Иди, иди, иди!..

Собачья жизнь
(Валентин Проталин)

Ты тоже, пес, загадка бытия.
Каким душа твоя обжита светом?
Поговорим.
Сны вижу, брат, и я,
хоть не подозреваешь ты об этом. Валентин Проталин

Мой пес,
я знаю, ты в меня влюблен.
Каким душа твоя обжита светом?
Ты мне сказал, что видел страшный сон,
что стал ты человеком
и поэтом.

Спасибо, друг!
Я вижу, ты пошел
на это, только лишь меня спасая.

Конечно, не с ума же ты сошел?..

Я ж видел сон,
что превратился в пса я.

Ты ходишь по редакциям, дрожа,
стихи ночами пишешь, чуть не плача.
А их повсюду режут без ножа,
и всюду отношение собачье...

А мне досталось, хвост подняв, гонять!
Ну, если отстегают, плетью, – больно,
зато не надо больше сочинять!..
Ешь, бегай, лай...
Я бегаю довольный.

Бег внутри

(Лев Смирнов)

Я славлю – посреди созвездий,
в последних числах сентября –
бег по земле, и бег на месте,
и даже бег внутри себя. Лев Смирнов

Поэт сидит, поэт лежит,
но это ничего не значит,

внутри поэта все бежит,
и как же может быть иначе?..

Бегут соленые грибки,
бежит, гортань лаская, водка,
за ней, естественно, – селедка,
затем – бульон и пирожки.

Потом бежит бифштекс с яйцом,
бежит компот по пищеводу,
а я с ликующим лицом
бегу слагать о беге оду.

Бежит еда в последний путь,
рифмуясь, булькая, играя,
не замедляю бег пера я,
авось и выйдет что-нибудь!

Песня об отсутствии присутствия
(Булат Окуджава)

Былое нельзя воротить
ни ученым, ни неучам,
У каждой эпохи

поэты и барды свои.
А все-таки жаль,
что нельзя с Александром Сергеевичем
По поводу прав
заскочить объясниться в ГАИ.
Всяк сам по себе,
даже если возьмемся мы за руки,
Насмешница-жизнь,
обещанья зачем раздаешь?
А все-таки жаль,
что поэты уходят в прозаики,
Роман не стихи,
под гитару его не споешь...
По-прежнему есть кавалеры,
и дамы их – грации,
Дуэли смешны,
да и лучше писать, чем стрелять,
А все-таки жаль,
что теперь у нас в организации
Перчатки (где взять их?)
не принято как-то бросать.
Чудес не бывает,
встаю, выхожу я на улицу,
Глаза протираю,
гляжу, у Никитских ворот
Извозчиков нету.
Один Булат Шалвович прогуливается,
Ах, нынче, увы,
ничего уж не произойдет...

Как задумано

(Александр Кушнер)

Проснусь счастливым и свободным,
Еще здоровым, молодым,
С утра влюбленным и голодным,
Я и задуман был таким Александр Кушнер

Мой папа, молодой, голодный,
В то время был в расцвете сил.
Он был счастливый и свободный
И в Летний сад гулять ходил.

Он шел, не зная, не гадая,
Что в том – судьба его была.
Голодная и молодая,
Ему навстречу мама шла.

Под ветром резким и холодным
Буквально на исходе дня
Всегда влюбленным и голодным
Они задумали меня.

Теперь я неизменно чуток

К тем, кто имеет интерес
Отведать на пустой желудок
Моих классических словес.

В лесах души
(Нора Яворская)

А кто гулял-погуливал
в лесах моей души?
Беспечный, все покуривал
да спичек не тушил. Нора Яворская

Хожу-брожу, нахмурена,
моя ли в том вина?
В душе моей накурено,
посуда не сдана...

Леса души запущены,
не слышно пенья птиц,
консервы недокушаны,
скорлупка от яиц.

Знать, кто-то шел-похаживал
и выбросил спеша
окурок непогашенный...

горит теперь душа.

Средь мятого кустарника
одна сижу с тоской.
Пришлите мне пожарника
с резиновой кишкой!

Признаться ведь не хочется,
ты, скажут, не смей:
а так нужна уборщица
мне лично – для души!

Песня

(Николай Тряпкин)

Кабы мне теперь
Да в деревне жить,
Да не стал бы я
Ни о чем тужить.

Кабы мне теперь
Да залечь на печь,
Да не стал бы я
Все куда-то бечь.

Да отменный век
Был бы мне сужден.
Жил бы я тогда,
Не считая ден.

Кружева-слова
Сам собой плелись,
А густые щи
Сами в рот лились.

Я б гулять ходил
Только в огород,
Репа, хрен да лук –
Прыг! – да прямо в рот!

Глядь-поглядь оттоль,
А оттоль досель –
Молоко-река,
Берега-кисель!

А по вечерам
Опосля кина
Все б ходили зреть
Да на Тряпкина...

Окно в мир

(Новелла Матвеева)

Повсюду – легкий скрип, шуршанье и возня...

Тень птицы на траве – живая закорючка...

Все, все мне нравится! Мерцанье по верхам,

В траве – ломти коры, лесных жуков коврижки.

Блуждают призраки по утренней траве,

Над ними – бабочки; где по три, где по две... Новелла Матвеева. «Окно»

Мне все ласкает взор – стрекозки и жучки,

Букашки с рожками, козявки, червячки,

Сошлись в душе моей комарики и мошки,

Живут во мне своей интимной жизнью блошки...

Вот резво выбежал

из щелки таракан,

Он лапками сучит, смешны его усишки.

Он среди всех один как грозный великан,

Тот, о котором я прочла в какой-то книжке.

Вот розовенький весь змеится червячок,

На изумрудной ветке тонко пикнет птичка,
Тюк – нету червячка. Казалось, пустячок,
А все имеет смысл. Все тонко, поэтично!

Все, все мне нравится! Все радует до слез.
Листочек съела тля, листочек бедный чахнет...
Солидный муравей пыхтит как паровоз...
Серьезный черный жук залез (пardon!) в навоз,
Я не люблю навоз – он очень дурно пахнет...

Коровка божья спит на птичьей гуане,
Две точки черные как кляксы на спине...
Вся гамма чувств во мне – боль, радость, укоризна...
Нет, что ни говори, вполне подвластны мне
Все тайны сюсюреализма...

Тени потолка
(Леонид Мартынов)

Ной
Был, бесспорно,
Человеком стоящим,
Нигде и никогда не унывающим
И спасшим жизнь всем лающим и воющим,
Кусающим, ползущим и летающим,

Короче говоря, млекопитающим
И прочим тварям всем, в беде не ноющим.
Вы спросите:
Зачем все это сказано,
Давным-давно известное? Не эхо ли
Оно того, что все друг с другом связано,
Ведь в огороде бузина обязана
Цвести, а к дядьке в Киеве приехали
Племянники, мечтающие пламенно
Горилке дань воздать тмутаракаменно!

Откуда что
(Василий Журавлев)

В тот далекий год,
когда пришло
выбирать учителя себе...

сам
ко мне сошел Сергей Есенин... Василий Журавлев

Я поэт.
Со мной случилось чудо,
сам не понимаю отчего...
Все кричали:
– Как? Позволь!.. Откуда?
Ты же, братец, это... не того!

Я, конечно, грамотей не очень,
но читать умею пользы для.
И не то
чтоб славой озабочен,
просто хороши учителя!

То ли в летний день,
а то ль в осенний
(это, право, безразлично вам)
сам
ко мне сошел Сергей Есенин.
А к Ахматовой
я подобрался
сам!

Я
(Евгений Винокуров)

Есть слово «я». И нету в том худого,
Что я решил его произнести.

А вот мои два глаза. Изнутри
Они освещены. И всяк в своей орбите.
А вот мой нос. Готов держать пари:

Я человек, я богу равен ликом.

Вот он. Вот я. Никто не отличит! Евгений Винокуров

Есть слово «я». О нет, я не всеяден.

Оно во мне! В нем суть и жизнь моя.

Я – вещь в себе. И вне себя. Я жаден

До всех, кто осознал значенье «я».

Куда я ни пойду – себя встречаю,

Я сам с собой переплетен в судьбе.

Цитирую, вникаю, изучаю

Себя!

Себе!

Собою!

О себе!

Вот я. Вот нос. И рот. Глаза. Вот ушки.

Чем я не бог? И, бережно храня

Меня в душе,

две темные старушки

Перекрестились, глядя на меня.

Я бодрствую. Я сплю. Я снедь вкушаю.

Я – центр и пуп земного бытия.

– А это кто? – себя я вопрошаю.

И сам себе я отвечаю: – Я!

Я озарился мыслью вдохновенной:

Бог – это я! Мир без меня – ничто!

Я – это я! – я сообщил вселенной.

Вселенная сказала: – Ну и что?

Как я стал поэтом

(Борис Слуцкий)

Я в поэзию шел как?

Я в поэзию шел так.

Вдруг почувствовал в пальцах жжение,

а иначе говоря – зуд.

Мысли приняли выражение

и, как войска,

пришли в движение,

я лежу, а они ползут.

Оказывается, есть порядок

в расположении строф и строк.

Стих не должен быть гладок.

Вот так. Самый сок.

Если следовать биографии,
то я
ошибочно должен был
стать учителем географии,
хотя педагогику не любил.

Писал на войне и после войны –
рядовой литературного воинства –
строки неодинаковой длины
и неодинакового достоинства.

К чему ведет нарушение порядка?
Может быть в Литфонде накладка.
Ссуду дадут, а может, нет.
Крутись как хочешь.
И – привет!

А я наловчился писать, при этом
каждое слово блестит.
Вот так я и стал поэтом
и даже
уже мастит.

Ничему нигде не учился,
а поэт из меня получился!

Писание и дыхание

(Николай Доризо)

Не писал стихов

И не пишу, –

Ими я,

как воздухом,

Дышу. Николай Доризо

Не писал стихов

И не пиши!

Лучше погуляй

И подыши.

За перо

поспешно

Не берись,

От стола

подальше

Уберись.

Не спеши,

не торопись,

Уймись,

Чем-нибудь,

в конце концов,

Займись.
Выброси к чертям
Карандаши.
Полежи,
в затылке почешу.

Суп свари,
порежь на кухне лук.
Выпей чаю,
почини утюг.
Новый телевизор
разбери –
Посмотри,
что у него
Внутри.

Плюнь в окно
И в урну попади!
В оперетту вечером
Пойди.
Вымой пол,
Прими холодный душ,
Почитай
на сон грядущий
Чушь...

Что-нибудь,

короче,
Соверши!
Не писал стихов
И не пиши!

Речитатив
(Лариса Васильева)

У Игоря есть сын,
Владимиром зовется.
Вдвоем с отцом в плену у хана Кончака. Лариса Васильева

Князь Игорь как-то раз
Идти в поход собрался.
С врагами князь решил
Покончить навсегда.
Владимир, сын его, за папой увязался,
Затмение солнца вдруг случилось тогда.

Дружина в сече злой
Вся головы сложила.
Князя у Кончака
В плену... Душа болит!
А Кончаковна глаз на Вову положила,
А он и сам не прочь, да папа не велит.

А в стане вражьем том
Собралась тьма народу.
Все половцы вокруг. И пляшут – будь здоров!
А Игорь знай поет:
«О, дайте мне свободу!» –
И хан Кончак раскис и волю дать готов.

В Путивле на стене
Стенает Ярославна.
Глядь – едет беглый муж, и счастлива жена!
...А все-таки не зря
Я слушала недавно
«Князь Игорь», оперу, соч. тов. Бородина.

Предзимнее поле
(Анатолий Жигулин)

Тихо, прозрачно и пусто,
Жухнет сырое жнивье.
Сено, полынь и капуста
Сердце тревожат мое.

Неба осеннего синька,
Сизые краски полей,

Словно рябая косынка
Бабушки дряхлой моей.

Мельница машет рукою,
Едет бульдозер, шурша.
Нежности, света, покоя
Стылая просит душа.

Морозью тянет предзимней,
К ней уж давно я привык.
Все это – невыразимо,
Я выразаться отвык.

Зябнет ворона. Вороне ж
Снится шуршанье берез.
Поезд уходит в Воронеж,
Кушает лошадь овес.

Холодно стало, однако.
Нету вокруг никого.
Лает с балкона собака.
Больше пока ничего...

Мотив

(Роберт Рождественский)

...Первое,
что я услышал
при рождении,
был мотив.
То ли древний,
то ли новый,
он в ушах моих крепчал
и какой-то долгой нотой
суть мою обозначал. Роберт Рождественский

Я родился,
я резвился,
постепенно шел в зенит.
И во мне
мотив развился
и в ушах моих
звенит.
В голове он
кашу месит,
нет спасенья от него.
За себя пишу я
песни
и за парня
за того...
Свадьба пела и плясала,
в этом был особый смысл.
И перо мое писало,

обгоняя даже
мысль.
Впрочем,
может, я не гений
и впадаю в примитив,
для «Семнадцати мгновений...»
песню сделал.
На мотив,
мне знакомый каждой нотой,
чей –
не вспомню нипочем...
То ли древний,
то ли новый,
впрочем,
я тут ни при чем.
А мотив звучит
и просит
новых текстов и баллад.
Отчего же...
Я не против.
С удовольствием.
Я рад.
Композиторы не чают,
чтобы дольше он звучал...
И во мне
мотив крепчает.
Примитив бы
не крепчал.

Снеги и я

(Евгений Евтушенко)

Идут белые снеги,

а по-русски снега.

Это значит, на свете

наступила зима.

Тянет снег свою лямку,

а она все звенит.

Я сию размышляю:

чем же я знаменит?

Вот гляжу я на стенку,

нет на ней ничего...

Вспоминаю я Стеньку

ни с того ни с сего.

Весь от гордости синий,

осознал я в борьбе,

что любил я Россию,

как искусство, в себе!

И еще (уж простите!)

понимаю, скорбя,

что любил я в России

большой частью себя.

Но понять я не в силе,

все на свете кляня,
то ли я для России,
то ль она для меня...

Грозовые раскаты,
но я их не боюсь...
Я ведь быстро раскаюсь,
если вдруг ошибусь.
И Россия блаженно
шепчет, слез не тая:
если будешь ты, Женя,
значит, буду и я!

Куда податься?
(Станислав Куняев)

Как хорошо бы отдохнуть
от званья русского поэта –
уйти в ненастье, в осень, в лето,
куда-нибудь, зачем-нибудь... Станислав Куняев

Хоть мы учились понемногу,
чему-нибудь и как-нибудь,
но хорошо бы отдохнуть
от этих дел – да ну их к богу!

Уйти от суеты, как Фет.

Скитаться в поисках покоя,
а то махнуть на все рукою
и, например, уйти в буфет.

А может, в поле, в лес густой
уйти, чему-нибудь внимая.
Уйти в грозу в начале мая,
уйти совсем, как Лев Толстой!

Уйти и не метать икру,
смертельно надоело это...
Со званием русского поэта
давно пора кончать игру.

Кто куда
(Кирилл Ковальджи)

Человек отыскивает извлечение,
преграждая шальные потоки.
Но куда же девается все излучение,
эманация, биотоки? Кирилл Ковальджи

Мужчины оставили развлечения,

перешли с коньяка на соки.

Они отыскивают извлечения,
эманацию, биотоки.

Врачи освоили трансплантацию,
что, вообще говоря, прекрасно.
Женщины ударились в эмансипацию,
где «она», а где «он» – неясно.

Все поумнели, все мечутся,
все сами себе члены-корреспонденты.
Обрушились на голову человечества
информации шальные ингредиенты.

И лишь писатель, словами живописуя,
выглядит как белая ворона.
А меня, поэта, главное интересует:
кто же остался у синхрофазотрона?

Очищение

(Глеб Горбовский)

Иногда я курю.

Невесомый дымок

Улетает в окно,
Как частица меня.
Иногда я бросаю на землю плевков,
Предварительно голову набок склоня. Глеб Горбовский

Я сморкаюсь. Но как?
Для начала курю,
Провожая глазами
Дымок голубой;
И, зажав указательным пальцем ноздрю,
Прочищаю другую воздушной струей.

После этого снова
Курю и смотрю,
Как причудливо дыма струя поплыла.
А затем, зажимая вторую ноздрю,
Прочищаю я ту, что зажата была.

Лишь потом,
Доставая платок носовой,
Чтобы вытереть пот
С многодумного лба,
Понимаю всем сердцем и всей головой,
Что сморкнешься не так – и насмарку судьба!

Око за око

(Спартак Куликов)

Твои губы открыли мне

таинство

зачатья небес

и подземных вод...

.....

Твое девичье лицо

кострами ереси

сторожит сумрак скитаний

и крыш.

И т. д. и т. п. Спартак Куликов

Читатель обратит внимание

и на своеобразие поэтической

манеры автора. Из аннотации к книге С. Куликова «Око»

Я проник разумом

в запредельность,

пеплом созвездий

посыпан

темени шар.

И только тебя,

твою

безраздельность

понимать отказывается душа.

Ересь глаз,

таинство истуканьей веры,

лунное зеркало
змеевидных волос,
плазма плеч,
адские полусферы,
черта раздела,
заклание и – хаос!..

Зрачком рассудка разъять
и вытрясти
радиус взора
и саркофаги ног...

Я хотел придумать
позаковыристей,
но позаковыристее
не смог.

Бденье крыл
мартобря тридцать второго,
Зодиак одичания и

н
о
ч
л
е
г.

Лишь одно
бьется тайною Козерога:
ты –
Красная Шапочка
или Хина Члек?

Противопожарная оборона

(Владимир Котов)

Но нам ли нужен

нервный тик

от мысли от одной – от страха?

.....

Нет!

Надо голову иметь –

не только пятки! Владимир Котов

Огонь – опасен!

Шутников,

с огнем играющих упрямо,

хочу я

без обиняков

предупредить

не вкось, а прямо!

Сограждане!

С огнем игра –

душе трибуна

как каверна!

Скажу о том

не очень гра-

мотно,

но верно!

Не ползай

глупым червяком,

будь бодр всегда ты!

Запомни:

шутки с огоньком

чрева-а-ты!

Смелее, друг,

слова рифмуй,

не хнычь,

не хмурься!

Сперва квартиру

застрахуй,

потом балуйся!

В грязь не ударь,

смотри,

лицом,

не будь

вороной!

Скорее

становись бойцом

противопожарной обороны!

Я убежден:

кто не со мной –

с врагами

вместе!

Я знаю:

за моей спиной

всегда брандмейстер!!!

К портрету Г.

(Татьяна Глушкова)

По мотивам книги стихов «Белая улица»

...Ты хочешь поэтессой стать? Так стань!

Куда как легче! Проще нет занятья,
ты изучи, что создали собратья,
усердно наклонив над книгой стан.

У одного возьми размер и ритм,
а у другой – стиха закаменелость,
у третьего возьми метафор смелость,
а у четвертой – необычность рифм.

Возьми лучину, канделябр, свечу,
добавь сердечных мук, усталость, горечь,
истории (одобрит Пал Григорьич!),
Пегаса, кваса, Спаса и парчу.

Смешай все это, не сочти за труд,
пиши смелей, учтя мои советы.
Не так уж он и сложен, путь в поэты...
Сдавай в печать. Не бойся! Издадут!

Вчерашний день
(Евгений Храмов)

Золотились луковицы храмов,
Вышел я, Евгений Львович Храмов,
И собою солнца диск затмил.
Я царю сказал: «Посторонитесь...»
Все вокруг шептались: «Что за витязь?
Как красив он, смел, умен и мил!»

Кубок опрокинув без закуски,
Говорил я только по-французски,
В золотой затянут был мундир.
Треуголку снял Наполеошка
И сказал, грассируя немножко:
«Ша, французы, это – командир!»

Я в салоне сел к роялю «Беккер»,
Несравненный Вилли Кюхельбекер,
Рдея от смущенья, подошел.
Говорить хотел, но не решался,
А потом и вообще смешался,
Высморкался, хмыкнул и ушел...

...В этом месте разлепил я веки,
Жаль, что я живу в двадцатом веке

И былого не вернуть, хоть плачь...
Ничего со мною не случилось,
Это мне с похмелья все приснилось,
Я очкарик, рохля и трепач.

Двоечница
(Феликс Чуев)

Куплю рубаху, брюки темно-синие,
пройду по половицам, как по льду,
и двоечницу, самую красивую,
на зависть всей площадке, уведу. Феликс Чуев

На танцплощадке розовые личики
танцуют на зашарканном полу.
Отличниц приглашают лишь отличники,
а двоечница мается в углу.

Глядит девчонка на меня, на Чуева!
Мурашки побежали по спине.
И двоечница тотчас же почуяла
родное что-то, близкое во мне.

Мы с ней потанцевали. Слово за слово,
я ей всучить пытаюсь свой портрет

и убеждаю двоичницу ласково,
что в этом ничего плохого нет.

Она вдруг слезы принялась размазывать,
они ручьями брызнули из глаз.
Тогда я начинаю ей рассказывать,
что я не кто-нибудь, а красный ас!

И вроде шансы сразу же повысились,
вот мы уже заходим к ней во двор...
И я шагаю, как генералиссимус
и мну в руках «Герцеговину Флор».

Раскопки в ХХХ веке
(Валентин Берестов)

Откопан был старинный манускрипт.
Скорей листать страницы! Шорох. Скрип.
Стихи. Представьте, ничего себе!
Инициалы автора – В. Б.
Наверно, это рукопись моя.
Что ж, у шедевров жизнь уже своя...
Нет, что вы, что вы! Никаких намеков.
Жаль, оказалось, это – Виктор Боков...

Кошка

(Владлен Бахнов)

Лежала кошка на спине,

Устроившись уютно.

И никому та кошка не

Мешала абсолютно.

И вот, зажав в руке перо,

Подумал я при этом,

Что это для стихов – хоро-

Шим может стать сюжетом.

Она лежала – я уви-

Дел, – хвост игриво свесив.

Что знать могла она о дви-

Жущем весь мир прогрессе?

Мешала узость кругозо-

Ра кошке знать ленивой

О том, что, как и где изо-

Брели на данной ниве.

Сказать по правде, просто ни

О чем не знала киста.

И я закончил ирони-

Ческие экзерсисы.

Пират

(Эдуард Успенский)

Лился сумрак голубой

В паруса фрегата,

Собирала на разбой

Бабушка пирата... Эдуард Успенский

Лился сумрак голубой,

Шло к июлю лето.

Провожала на разбой

Бабушка поэта.

Авторучку уложила

И зубной порошок,

Пемзу, мыло, чернила

И для денег мешок.

Говорила: – Ты гляди,

Дорогое чадо,

Ты в писатели иди,
Там разбой что надо!

Ты запомни одно,
Милый наш дурашка:
Золотое это дно –
Крошка Чебурашка!

Не зевай, не болтай,
Дело знай отменно.
Ты давай изобретай
Крокодила Гену!

Ты, гляди, не будь дурак,
Ром не пей из бочки.
И старушку Шапокляк
Доведи до точки...

...Долго пела она,
Целовала сладко.
До чего же умна
Старая пиратка!

Это сущий пустяк –
Ремесло пирата...

Ну, а если что не так –

Бабка виновата...

Бедный безлошадник

(Лев Кондырев)

Шли валуны

Под изволок...

Как петушиный хохолок,

Пырей, от солнца красноватый,

Качался в балке...

Пахло мятой...

Холмов косматая гряда

Тянулась к западу, туда,

Где пруд,

Задумчивый, печальный,

Лежал...

– Отсель, – сказал геодезист, –

Грозить мы будем бездорожью! Лев Кондырев

На берегу пустынных волн

Стоял я,

Тоже чем-то полн...

И вдаль глядел.

Стояло лето.

Происходило что-то где-то.

Я в суть вникать не успевал,
Поскольку мыслил. Не зевал,
Как Петр Первый. Отовсюду
Шли валуны.
Качалась ель.
И мне подумалось: я буду
Грозить издателям отсель!
Закончил мыслить.
Прочь усталость!
Сел на валун.
Мне так писалось,
Как никогда! Смешать скорей
Курей, пырей и сельдерей,
Все, что мелькает, проплывает,
Сидит, лежит и навевает
Реминисценции. Увы,
Не избежать, как видно, снова
Ни в критике разгона злого,
Ни унижительной молвы.
Меня ли
Тем они обидят?!
Да я чихал! Пусть все увидят,
Как, глядя в синюю волну,
Я сочинил
Пять тысяч строк!
Таких пять тысяч
За одну
Я променял бы.
Если б мог...

Из книги «Пегас – не роскошь» (1979)

Весь в голубом
(Константин Ваншенкин)

Меж бровями складка.
Шарфик голубой.
Трепетно и сладко
Быть всегда с тобой. Константин Ваншенкин

Мне мила любая
Черточка твоя,
Словно голубая
Лирика моя.

Трепетна и томна,
Чуточку сладка,
Несколько альбомна,
Капельку горька.

Я всегда с тобою.
Ты всегда со мной.
Небо голубое,
Шарфик голубой.

Быть с тобою сладко.

Ты мила, я мил.

Острая нехватка

Розовых чернил.

Мой пес и я

(Владимир Костров)

Витой веревочкой доверья

Ко мне привязан старый пес.

Его глаза – глаза не зверя –

Все понимают наугад.

Он верит в то, во что я верю,

И рад тому, чему я рад. Владимир Костров

Мой пес и я!

Нельзя словами

Нас достоверно описать.

Есть много общего меж нами –

Чутье и верность, ум и стать.

Есть даже общее в обличье,

Не то чтоб сходство, а чуть-чуть...

Но ряд существенных различий

Я не могу не подчеркнуть.

Не курит он, хоть это жалко,
А то ведь мог бы угощать.
Мой пес не ездит на рыбалку
Денька на три, четыре, пять...

Все понимает он отлично,
Но молчуном слывет зато.
Он ест все то, что я обычно,
Но пьет совсем, совсем не то...

Короче, лишена собака
Нам, людям, свойственных грехов.
Но что ценней всего, однако,—
Не пишет, умница, стихов!

День в гиперборее
(Юнна Мориц)

Как у нас в Гиперборее,
Там, где бегают кентавры,
Соблазнительные феи
Днем и ночью бьют в литавры.

Там лежит раскрытый томик,
Не прочитанный Сатиром.
Там стоит дощатый домик,
Называемый сортиром.

Одиссей свое отплавал,
Греет пузо под навесом.
Перед богом хитрый дьявол
Так и ходит мелким бесом.

Едут музы в Сиракузы,
Не убит еще Патрокл.
На Олимпе в моде блюзы,
Гоголь-моголь и Софокл.

Зевс в объятиях Морфея,
Вельзевул песочит зама.
Незаконный сын Орфея
Спит, наклюкавшись бальзама.

Сел Гомер за фортепьяно,
Звон идет на всю катушку.
Посреди дубравы рьяно
Соблазняет бык пастушку.

Пляшет Плоть в обнимку с Духом,

Сладко чмокая и бляя.

А в углу, собравшись с духом,

Сочиняю под Рабле я...

Покамест я...

(Станислав Куняев)

...Мы будем жить, покамест Пушкин с нами,

мы будем жить, покамест с нами Блок.

...И нищим надо подавать,

покамест есть они на свете. Станислав Куняев

Покамест Пушкин есть и Блок,

литература нас врачует.

Литература нам не впрок,

покамест Кобзев есть и Чуев.

Покамест все чего-то ждут,

и всяк покамест что-то ищет.

Покамест нищие живут

и на кладбище ветер свищет.

Мы будем жить, а выйдет срок,
то пусть земля нам будет пухом.
И в жизни тот не одинок,
кто уважает нищих духом.

Покамест жив, цени свой труд,
в бессмертье душу окуная...
А пародисты не умрут,
покамест не иссяк Куняев.

Не до Европ
(Ольга Фокина)

Мне рано, ребята, в Европы
Дороги и трассы торить... Ольга Фокина

Мне рано в Европы, ребята,
Меня не зови, Лиссабон:
Мне ехать еще рановато
В Мадрид, Копенгаген и Бонн.

Билет уж заранее куплен
В деревню, где буду бродить.
Не сетуйте, Лондон и Дублин,

Придется уж вам погодить.

Мужайся, красавица Вена,
Боюсь, мы не свидимся, Киль...
Ведь мне, говоря откровенно,
Милей вологодская пыль.

Не ждите, Альпийские горы,
Не хнычьте, меня не вина...
Какие поди разговоры
В Европах идут про меня!

Смеются Женева и Канны,
От смеха Афины в слезах:
– Мадам, вам действительно рано,
Сидите в своих Вологдах...

Делай, как я
(Александр Кушнер)

Когда, смахнув с плеча пиджак,
Ложисься навзничь на лужок, –
Ты поступаешь, как Жан-Жак,
Философ, дующий в рожок. Александр Кушнер

Когда пьешь кофе натошак
И забываешь о еде,
Ты поступаешь, как Бальзак,
Который Оноре и де.

Когда в тебе бурлит сарказм
И ты от гнева возбужден,
Ты просто вылитый Эразм,
Что в Роттердаме был рожден.

Когда, освободясь от брюк,
Ложисься навзничь на диван,
То поступаешь ты, мой друг,
Как мсье Гюи де Мопассан.

Когда ты вечером один
И с чаем кушаешь безе,
Ты Салтыков тире Щедрин
И плюс Щедрин тире Бизе.

Когда ж, допустим, твой стишок
Изящной полон чепухи,
То поступаешь ты, дружок,
Как Кушнер, пишуший стихи.

Расплата

(Владимир Сергеев)

Быть может, я, сегодняшний, не прав,

И женщина совсем не виновата.

Быть может, на меня, за грубый нрав.

Как самосвал, наехала расплата? Владимир Сергеев

Быть может, я опасность прозевал,

А может быть, дорога виновата,

Но на меня наехал самосвал,

И я подумал: вот она, расплата!

За то, что был я с женщинами крут,

За грубый нрав – солдат ведь, не овечка.

В стихи мои доныне так и прут

Соленые солдатские словечки...

И я сказал, отряхивая пыль

И глядя на обломки самосвала:

– Вы верьте мне.

Так было.

Это – быль.

Хоть не могло так быть

и не бывало...

Девушки и женщины

(Валентин Сорокин)

Влюбчивый, доверчивый, земной,

Я один виновен перед вами,

Женщины, обиженные мной,

Девушки с печальными бровями. Валентин Сорокин

Влюбчивый, доверчивый, земной,

Я достоин пращура Адама.

Девушки, обиженные мной,

Вы уже не девушки, а дамы.

У одной – бедою сомкнут рот,

Чистый лоб печален и бескровен.

У другой – совсем наоборот:

Грустные глаза, ресницы, брови.

А у третьей – скулы сведены

И ночами мучает одышка,

А у этой – легкие больны

И растет разбойником парнишка.

Ометелен, знойчат и фырчист[3],
Не плененный скукой, как и все мы,
Женщины, я перед вами чист,
Не могу я
сразу быть со всеми!

Я вас всех по-прежнему люблю,
Сердце по кусочкам растащили...
Только об одном судьбу молю:
Только бы
жене не сообщили...

Для тех, кто спит
(Яков Белинский)

Спит острословья кот.
Спит выдумки жираф.
Удачи спит удад.
Усталости удав. Яков Белинский

Спит весь животный мир.
Спит верности осел.
Спит зависти тапир.
И ревности козел.

Спит радости гиббон.

Забвенья спит кабан.

Спит хладнокровья слон.

Сомненья пеликан.

Спит жадности питон.

Надежды бегемот.

Невежества тритон.

И скромности енот.

Спит щедрости хорек.

Распутства гамадрил.

Покоя спит сурок.

Злодейства крокодил.

Спит грубости свинья...

Спокойной ночи всем!

Не сплю один лишь я...

Спасибо, милый Брем!

Восточное пристрастье

(Елена Николаевская)

...Под солнцем – горы в белой дымке,

Под снегом – теплая земля,
И липы на Большой Ордынке,
И в Ереване – тополя... Елена Николаевская

...Нет, что ни говори, недаром,
Дыханья не переводя,
Сижу, с волнением и жаром
Стихи друзей переводя.

Как свет, как ощущение счастья,
Вошло, как видно, в плоть мою
Вполне восточное пристрастье:
Все что увижу – то пою...

Живут в Армении армяне,
Грузины в Грузии живут.
В Москве в «Ромэн» живут цыгане,
Они танцуют и поют.

У молодых соседей – Надька,
Дочурка, ростом не видна.
И в Киеве, конечно, дядька,
А в огороде – бузина.

Один мой друг, явив отвагу,
Сказал мне, осушив стакан:

– Переводи, но не бумагу,
Прошу тебя, Елена-джан[4]!

Маясь животом
(Лев Ошанин)

Смотрел сегодня танец живота.
Красивая девчонка, да не та,
Что спать не даст одной короткой фразой.
Восточная красавица, прости.
Восточная красавица, пусти
К непляшущей, к нездешней, к светлоглазой. Лев Ошанин

В далекой экзотической стране,
Где все принципиально чуждо мне,
Но кое-что достойно уваженья,
Смотрел сегодня танец живота.
Живот хорош, но в общем – срамота.
Сплошное, я считаю, разложение!

Не отведа пылавшего лица,
Я этот ужас вынес до конца,
Чуть шевеля сведенными губами:
Восточная красавица, зачем
Ты свой живот показываешь всем?!
С тобой бы нам потолковать на БАМе...

Восточная красotka хороша!
Но кровью облилась моя душа,
Ведь так недалеко и до конфуза...
Халат взяла бы или хоть пальто,
А то нагая... Это же не то,
Что греет сердце члена профсоюза!

Восточная красавица, прости,
Но я хотел бы для тебя найти
Достойное эпохи нашей дело.
Чтоб ты смогла познать любовь и труд,
Но я боюсь, что этот факт сочтут
Вмешательством во внутреннее тело...

Разговор

(Римма Казакова)

Бесконечными веками –
есть на то причина –
разговаривал руками
любящий мужчина. Римма Казакова

Повстречался мне нежданно
и лишил покоя.

И что я ему желанна
показал рукою.
Молча я взглянула страстно,
слова не сказала
и рукой, что я согласна,
тут же показала.
Образец любовной страсти
нами был показан.
Разговор влюбленным, к счастью,
противопоказан.
А потом горела лампа,
молча мы курили,
молча думали: «И ладно,
и поговорили...»
Так вот счастье и куется
издавна, веками...
Всем же только остается
развести руками.

Путь к мудрости
(Алексей Марков)

Всю ночь себя четвертовал
И вновь родился утром.
Бескомпромиссно-твердым стал
И молчаливо-мудрым. Алексей Марков

Всю ночь себя колесовал,
Расстреливал и вешал.
Я так себя разрисовал,
Что утром сам опешил.

Зато когда наутро встал –
Совсем другое дело!
Душою за ночь мягким стал,
А тело – затвердело.

Молчанье гордое храня,
Я сел на одеяло.
Бескомпромиссностью меня
Обратно обуяло!

И – дальше больше! – мудрость вдруг
Во мне заговорила.
И снова ахнули вокруг:
– А вот и наш мудрило!

Он может, но...
(Николай Доризо)

Нет, жив Дантес.

Он жив опасно,
Жив
вплоть до нынешнего дня.
Ежеминутно,
ежечасно
Он может выстрелить в меня. Николай Доризо

Санкт-Петербург взволнован очень.

Разгул царизма.

Мрак и тлен.

Печален, хмур и озабочен

Барон Луи де Геккерен.

Он молвит сыну осторожно:

– Зачем нам Пушкин?

Видит бог,

Стреляться с кем угодно можно,

Ты в Доризо стрельни,

сынок! –

С улыбкой грустной бесконечно

Дантес

взирает на него.

– Могу и в Доризо,

конечно,

Какая разница,

в кого... –

Но вдруг

лицо его скривилось,

И прошептал он

как во сне:

– Но кто тогда,

скажи на милость,
Хоть словом
вспомнит обо мне?!..

Ужин в колхозе
(Давид Самойлов)

– Встречай, хозяйка! – крикнул Цыганов.
Поздравствовались. Сели.

В мгновенье ока – юный огурец
Из миски глянул, словно лягушонок.
А помидор, покинувший бочонок,
Немедля выпить требовал, подлец.

– Хозяйка, выпей! – крикнул Цыганов.
Он туговат был на ухо. Давид Самойлов

– Никак Самойлов! – крикнул Цыганов
(Он был глухой). – Ты вовремя, ей-богу!
Хозяйка постаралась, стол готов,
Давай закусим, выпьем понемногу...
А стол ломился! Милосердный бог!
Как говорится: все отдай – и мало!
Цвели томаты, розовело сало,
Моченая антоновка, чеснок,
Баранья ножка, с яблоками утка,

Цыплята табака (мне стало жутко),
В сметане караси, белужий бок,
Молочный поросенок, лук зеленый,
Квашеная капуста! Груздь соленый
Подмигивал как будто! Ветчина
Была ошеломляюще нежна!
Кровавый ростбиф, колбаса салями,
Телятина, и рябчик с трюфелями,
И куропатка! Думаете, вру?
Лежали перепелки как живые,
Копченый сиг, стерлядки паровые,
Внесли в бочонке красную икру!
Лежал осетр! А дальше – что я вижу! –
Гигант омар (намедни из Парижа!)
На блюдо свежих устриц вперил глаз...
А вальдшнепы, румяные как бабы!
Особый запах источали крабы,
Благоухал в шампанском ананас!..
«Ну, наконец-то! – думал я. – Чичас!..
Закусим, выпьем, эх, святое дело!»
(В графинчике проклятая белела(!)
Лафитник выпить требовал тотчас!
Я сел к столу... Смотрела Цыганова,
Как подцепил я вилкой огурец,
И вот когда, казалось, все готово,
Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)
Пародией огрел меня, подлец!..

Али я не я

(Борис Примеров)

Окати меня

Алым зноем губ.

Али я тебе

Да совсем не люб? Борис Примеров

Как теперя я

Что-то сам не свой.

Хошь в носу ширяй,

Хошь в окошко вой.

Эх, печаль-тоска,

Нутряная боль!

Шебуршит мысля:

В деревеньку, что ль?

У меня Москва

Да в печенках вся.

И чего я в ей

Ошиваюся?..

Иссушила кровь

Маета моя.

И не тут я,

И не там я...

Стал кумекать я:

Аль пойтить в собес?

А намедни мне

Голос был с небес:

– Боря, свет ты наш,

Бог тебя спаси,
И на кой ты бес
Стилизуисси?!..

О пользе скандалов
(Евгений Долматовский)

Что делать со стихами о любви,
Закончившейся пошленьким скандалом?
Не перечитывая, разорви,
Отдай на растерзание шакалам. Евгений Долматовский

Ни разу малодушно не винил
Я жизнь свою за горькие уроки...
Я был влюблен и как-то сочинил
Избраннице лирические строки.

Скользнула по лицу любимой тень,
И вспыхнул взгляд, такой обычно кроткий...
Последнее, что видел я в тот день,
Был черный диск чугунной сковородки.

Скандал? Увы! Но я привык страдать,
Поэтам ли робеть перед скандалом!
А как же со стихами быть? Отдать

На растерзанье критикам-шакалам?

Насмешек не боюсь, я не такой;
Быть может, притвориться альтруистом,
Свои стихи своею же рукой
Взять и швырнуть гиенам-пародистам?

Но я мудрей и дальновидней был,
Я сохранил их! И в тайник не спрятал.
Не разорвал, не сжег, не утопил,
Не обольщайтесь – я их напечатал!

Я и Соня, или Более чем всерьез
(Роберт Рождественский)

Мог ногой

топнуть

и зажечь

солнце...

Но меня

дома

ждет

Лорен Софа. Роберт Рождественский. Из книги «Всерьез»

...А меня

дома
ждет
Лорен Соня.
Мне домой
топать –
что лететь
к солнцу.
А она
в слезы,
скачет как мячик:
– Что ж ты так
поздно,
милый мой
мальчик? –
Я ей
спокойно:
– Да брось ты,
Соня...
Постели койку
и утри
сопли. –
А она плачет,
говорит:
– Робик!.. –
и –
долгой платье,
и меня –
в лобик...
Задремал
утром,

так устал
за ночь...
Вдруг меня
будто
кто-то
хватать
за нос!
Рвут меня
когти,
крики:
– Встань,
соня!
Я тебе,
котик,
покажу
Соню!!

Дерзновенность

(Екатерина Шевелева)

Жизнь коротка. Бессмертье дерзновенно.

Сжигает осень тысячи палитр.

И, раздвигая мир, скала Шопена

Во мне самой торжественно парит. Екатерина Шевелева

Здоровье ухудшалось постепенно,

Районный врач подозревал гастрит.

Но оказалось, что скала Шопена
Во мне самой торжественно парит.

Ночами я особенно в ударе,
Волшебный звук я издаю во сне;
Но это просто скрипка Страдивари
Сама собой пиликает во мне.

И без того был организм издерган,
В глазах темно и в голове туман...
И вот уже во мне не просто орган –
Нашли собора Домского орган!

Потом нашли палитру Модильяни,
Елисавет Петровны канапе,
Подтяжки Фета, галстук Матроянни,
Автограф Евтушенко и т.п.

Врачи ломали головы. Однако
Рентгено снимок тайну выдает:
Представьте, что во мне сидит собака
Качалова! И лапу подает!

Непросто изучить мою натуру,
Зато теперь я обучаю всласть,

Во-первых, как войти в литературу,
И во-вторых, – в историю попасть.

Пенелопа

(Андрей Дементьев)

Ее улыбка неземная

звучит, как исповедь моя...

И Афродита это знает

и не уходит от меня. Андрей Дементьев. «Афродита»

Хоть о себе писать неловко,

но я недаром реалист;

ко мне пристала Пенелопа,

как, извиняюсь, банный лист.

Она такая неземная,

и ясный взгляд, и чистый лоб.

И я, конечно, это знаю:

что я, не знаю Пенелоп?!

Я долго думал: в чем причина

моих успехов и побед?

Наверно, я такой мужчина,

каких и в Греции-то нет...

До этого была Даная...

За мной ходила целый год.

И Афродита это знает,

но от меня не отстаёт.

Шла бы ты домой, Пенелопа!

Воздаяние

(Василий Федоров)

Пропою про урожаи

И про Вегу, как фантаст.

Глядь, какой-нибудь Державин

Заприметит

И воздаст. Василий Федоров

Шел я как-то, трали-вали,

С выраженьем на лице.

И подумал: не пора ли

Сдать экзамен

За лицей?

Как-никак я дока в лирах,

Правда, конкурс – будь здоров!
Много этих... в вицмундирах,
Как их там?..
Профессоров.

В жар кидает... Вдруг сомлею,
Не попасть бы тут впросак.
По-французски не парлею,
Знамо,
Истинный русак!

Стар Державин.
Был, да вышел...
Как бы в ящик не сыграл...
На середку тут я вышел,
В груди воздуху набрал,

Как запел про урожаи
Да про Вегу как пошел!..
Посинел старик Державин,
Крикнул: «Ах!» –
И в гроб сошел.

Посвящение Ларисе Васильевой

...я оставляю это дело,
верней, безделицу – стихи.

Вот только пародист в убытке,
а он с меня не сводит глаз...

Но он утешится, неверный,
с другим, а может быть, с другой... Лариса Васильева. «Посвящение Александру Иванову»

Увы, сатиры нет без риска,
с годами множатся грехи...
Ужель Васильева Лариса
перестает писать стихи!..

Неужто буду я в убытке
и пробил мой последний час?..
И впрямь ее творений слитки
дороже золота подчас.

Прощай, создание дорогое,
мы были вместе столько лет!
С другим, тем более с другою
вовек я не утешусь. Нет,

я жить могу и дальше смело,
мне не пристала роль скупца:

того, что ты создать успела,
с лихвой мне хватит до конца!

Стоеросовый дубок
(Владимир Гордейчев)

...Днем весенним таким жаворонистым
я на счастье пожалован был.
Колоколило небо высокое...

Раззеленым дубком стоеросовым
возле деда я выстоял год. Владимир Гордейчев

Лягушатило пруд захудалистый,
булькотела гармонь у ворот.
По деревне, с утра напивалистый,
дотемна гулеванил народ.

В луже хрюкало свинство щетинисто,
стадо выместо перло с лугов.
Пастушок загинал матерщинисто,
аж испужно шатало коров.

Я седалил у тына развалисто
и стихи горлопанил им вслед.

На меня близоручил мигалисто
Мой родной глухоманистый дед.

– Хорошо! – бормотал он гундосово,
ощербатя беззубистый рот. –
Только оченно уж стоеросово,
да иначе и быть не может...

Душа в теле
(Эдуард Асадов)

...Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!

Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите, – с души! Эдуард Асадов

Девушка со взглядом яснозвездным,
День настанет и в твоей судьбе.
Где-то, как-то, рано или поздно
Подойдет мужчина и к тебе.

Вздрагнет сердце сладко и тревожно.
Так чудесны девичьи мечты!

Восемь дней гуляйте с ним – и можно

На девятый перейти на «ты».

Можно день, допустим на тридцатый

За руку себя позволить взять.

И примерно на шестидесятый

В щеку разрешить поцеловать.

После этого не увлекаться,

Не сводить с мужчины строгих глаз.

В губы – не в засос – поцеловаться

В день подачи заявления в загс.

Дальше важно жарких слов не слышать,

Мол, да ладно... ну теперь чего ж...

Так скажи: – Покуда не запишуть,

И не думай! Погоди... Не трожь!..

Лишь потом, отметив это дело,

Весело, с родными, вот теперь

Пусть доходит очередь до тела.

Все законно. Закрывайте дверь.

Бес соблазна

(Евгений Храмов)

Посмотрите, как красиво эта женщина идет!

Как косынка эта синяя этой женщине идет!

Посмотрите, как прекрасно с нею рядом я иду,

Как и бережно и страстно под руку ее веду! Евгений Храмов

Посмотрите! Не напрасно вы оглянетесь, друзья!

Эта женщина прекрасна, но еще прекрасней я!

Эта женщина со мною! Это я ее веду!

И с улыбкой неземною это с нею я иду!

Посмотрите, как сияют чудных глаз ее зрачки!

Посмотрите, как сверкают на моем носу очки!

Как зеленое в полоску этой женщине идет!

Как курю я папироску, от которой дым идет!

Я не зря рожден поэтом, я уже едва дышу,

Я об этом, я об этом непременно напишу!

Я веду ее под ручку из музея в ресторан.

Авторучка, авторучка мне буквально жжет карман!

Я иду и сочиняю, строчки прыгают, звеня,

Как прекрасно оттеняю я ее, она – меня!

Мы – само очарованье! И поэзия сама –

Способ самолюбования, плод игривого ума...

Компромисс

(Владимир Солоухин)

...Когда б любовь мне солнце с неба стерла,
Чтоб стали дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней. Владимир Солоухин

Итак, любовь. Восторг души и тела.
Источник вдохновенья, наконец!
И все ж был прав неистовый Отелло:
«Молилась ли ты на ночь?..» И – конец.

И у меня случилось так. Подперло.
Она сильна как смерть. Но я сильнее.
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!

Но, полиставши Уголовный кодекс,
Сообразил, что и любовь права.
И плюнул я тогда на этот комплекс.
И я свободен. И любовь жива.

Глоток

(Белла Ахмадулина)

Проснуться утром, грешной и святой,
вникать в значенье зябкою гортанью
того, что обретает очертанья
сифона с газированной водой.

Витал в несоразмерности мытарств
невнятный знак, что это все неправда,
что ночью в зоосаде два гепарда
дрались, как одеяло и матрац.

Литературовед по мне скулит,
шурша во тьме убогостью бумаги,
не устоять перед соблазном влаги
зрачком чернейшим скорбно мне велит.

Серебряный стучался молоток
по лбу того, кто обречен, как зебра
тщетою лба, несовершенством зева
не просто пить, но совершать глоток!

Престранный гость скребется у дверей,
блестя зрачком, светлей аквамарина.
О мой Булат! О Анна! О Марина!
О бедный Женя! Боря и Андрей!

Из полумрака выступил босой
мой странный гость, чья нищая бездомность
чрезмерно отражала несъедобность
вчерашних бутербродов с колбасой.

Он вырос предо мной, как вырастают за ночь грибы в убогой переделкинской роще, его ослепительно белое лицо опалило меня смертным огнем, и я ожила. Он горестно спросил: «Еще глоточек?» Ошеломленная, плача от нежности к себе и от гордости за себя, я хотела упасть на колени, но вместо этого запрокинула голову и ответила надменно: «Благодарю вас, я уже...»

Спросила я: – Вы любите театр? –
Но сырый гость не возжелал блаженства,
в изгибах своего несовершенства
он мне сказал: – Накиньте смерть ондатр!

Вскричала я: – Вы, сударь, не Антей!
Поскольку пьете воду без сиропа,
не то что я. Я от углов сиротства
оберегаю острие локтей.

Высокопарности был чужд мой дух,
я потянулась к зябкости сифона,
а рядом с ним четыре граммофона

звучанием мой утруждали слух.

Вздых утоленья мне грозил бедой
за чернокнижья вдохновенный выпорх!
О чем писать теперь, когда он выпит,
сосудик с газированной водой?!..

Крик рака
(Виктор Соснора)

Я ли не мудр: знаю язык –
карк врана,
я ли не храбр: перебегу
ход рака... Виктор Соснора

Я начинаю. Не чих (чу?):
чин чином.
То торс перса (Аттила, лей!)
грех Греки?
Не Гамаюна потомок юн:
крем в реку,
как Козлоногу в узле узд? –
злОб зуды.
Ироник муки, кумиров кум –
крик рака.
Не свист стыдобы, не трут утр,

карк крика.

Не кукареку в реке (кровь!),

корм Греке...

Неси к носу, а Вы – косой,

Вам – кваса.

Добряк в дерби – бродягам брод:

суть всеу,

и брадобрею гибрид бедр –

бром с бренди.

У Вас зразы (и я созрел!)

Псом в Сопот.

А языкается заплетык –

нак тадо.

После сладкого сна

(Анисим Кронгауз)

Непрерывно,

С детства,

Изначально

Душу непутевую мою

Я с утра кладу на наковальню,

Молотом ожесточенно бью. Анисим Кронгауз

Многие

(Писать о том противно;

Знаю я немало слабых душ!)

День свой начинают примитивно –
Чистят зубы,
Принимают душ.
Я же, встав с постели,
Изначально
Сам с собою начинаю бой.
Голову кладу на наковальню,
Молот поднимаю над собой,
Опускаю...
Так проходят годы.
Результаты, в общем, неплохи:
Промахнусь – берусь за переводы,
Попаду –
Сажусь писать стихи...

Сам себе звезда
(Егор Самченко)

И снова на дорогу
Один я выхожу.

Какая это мука,
Когда рука молчит,
Когда звезда ни звука
Звезде не говорит. Егор Самченко

Я вышел на дорогу

Один без дураков.
Пустыня внемлет богу,
Но я-то не таков!

Лежит на сердце камень,
А звезды ни гугу...
Но уж зато руками
Я говорить могу.

У классиков житуха
Была... А что у нас?
Заместо глаза ухо,
Заместо уха глаз...

Мне, правда, намекали,
Мол, не пиши ногой,
Не говори руками,
А думай – головой!

Все может быть
(Дмитрий Смирнов)

Я Микеланджело, быть может,
Родившийся опять на свет.

Я, может быть, Джордано Бруно

Или Радищев новых лет. Дмитрий Смирнов

Все может быть.

Да, быть все может.

Поставят столб. Вокруг столба,

Который хворостом обложат,

Сбежится зрителей толпа.

Произнесет сурово слово

Литературоведов суд.

Поэта Дмитрия Смирнова

Из каземата принесут.

И к делу подошьют бумажки

И, давши рвению простор,

Литфонд торжественно бедняжке

Вручит путевку на костер.

Сгорит Смирнов...

Великий боже,

Ты воплям грешника не внял...

За что его? А все за то же:

За то, что ересь сочинял.

Уход Фонякова из дома рано утром по своим делам

(Илья Фоняков)

Парк пел и плакал на ветру

До полшестого.

Хватились в доме поутру:

Нет Льва Толстого.

Куда ж девался Лев Толстой?

Ведь не иголка...

Ведь как-никак – «Война и мир»

И «Воскресенье»... Илья Фоняков

Парк пел и плакал на ветру,

Выл бестолково.

Хватились в доме поутру:

Нет Фонякова!

В саду следы от башмаков...

Стол, кресло, полка.

Куда ж девался Фоняков?

Ведь не иголка.

Вон приготовлена еда

И стынет кофе.

Неужто сгинул навсегда,

Как на Голгофе?!

Все в панике, кричат: «Эге!» –
Ворон пугают.
Ведь как-никак спецкор «ЛГ»,
Стихи слагает!

Неужто вышел просто так
И не вернется?
Ведь он писатель как-никак,
Он издается!

Ушел, быть может, как Толстой,
Судьбу почуяв?
Ведь как-никак не Островой,
Не Феликс Чуев!

И только дворник дед Егор
Стоит смеется:
– Да просто вышел он во двор,
Сейчас вернется...

На пути к себе

(Вадим Шефнер)

Говорят, что плохая примета
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне. Вадим Шефнер

Безусловно не веря приметам,
Чертовщиной мозги не губя,
Тем не менее перед рассветом
На дороге я встретил себя.

Удивился, конечно, но все же
Удивления не показал.
Я представился: «Шефнер». Я тоже
Поклонился и «Шефнер» сказал.

Мы друг другу понравились сразу.
Элегантны и тот и другой.
Я промолвил какую-то фразу,
Я ответил и шаркнул ногой.

Много в жизни мы оба видали,
Но свидание пользу сулит.
Я себе рассказал о Дедале,
Я поведал себе о Лилит.

Я и я очарованы были,
Расставались уже как друзья.
Долго шляпы по воздуху плыли,
Долго я улыбался и я.

К чудесам мы приучены веком,
Но такое – непросто суметь!
С умным, знаете ли, человеком
Удовольствие дело иметь!

Кремень с гаком
(Егор Исаев)

По мотивам поэмы «Даль памяти»

А день-то бы-ыл!
Не день,
А праздник вечный,
Коси, коса!
А что ж, оно ведь так!
А что коса?
Коса, она конечно,
На то она, коса, и есть.
Не гак.
А гак-то как? И то сказать,

Со вкусом!
А смак – он что?
Да просто – смак и смак.
Не упредишь,
Ведь он-то – гак за гаком! –
Изглубока, горстьми,
На то и гак!
А ежли конь?
Он что? Да тут и вовсе,
Навроде да. Не конь, а помело.
Куда за ним? Да некуда...
А возит!
Оно ведь так. Куда ж его?..
Тягло
Из тех времен... А без тягла?
Не в паре ж
Тащиться с ним! А душу – распотешь!
И – градус внутрь! Нутро –
Его ожваришь –
И с перецоком – в тень!
А гак-то где ж?
Забыли, что ль?
Куда там!
Не иголка,
Степану что? И Нюрка – нипочем.
Не охмуришь! Оно ведь не без толку,
Не в баню!
Не заманишь калачом.
Поехали!
Да те ль они, ворота?

А ну-ка, тпру!

Ищи их, тормоза...

И – вот оно! С налета, с поворота –

Кувырк! –

Разрыв-трава, кремений-слеза.

Эксперимент

(Виктор Парфентьев)

Распад во много тысяч лет

Эквивалентен дням разлада,

Ведь человек не элемент,

Недели хватит для распада. Виктор Парфентьев

Со вторника эксперимент

Как начался, так не кончался...

И так как я не элемент,

То к понедельнику распался.

Глядела горестно жена

Глазами обреченной птицы,

Как быстро муж распался на

Элементарные частицы.

Непрочен наш материал,

Точней, он вовсе пустяковый...

И по частицам собирал

Меня инспектор участковый.

Не зря один интеллигент

Сказал, сомнения развеяв:

– Парфентьев – это элемент,

Не знал о коем Менделеев...

Кое-что о потолке

(Вадим Кузнецов)

Выпью вечером чаю,

в потолок посвищу.

Ни о ком не скучаю,

ни о чем не грущу. Вадим Кузнецов

Я живу не скучаю,

сяду в свой уголок,

выпью вечером чаю

и плюю в потолок.

От волнений не ежусь,

мне они нипочем.

Ни о чем не тревожусь

и пишу ни о чем...

Выражаю отменно
самобытность свою.
Посижу вдохновенно
и опять поплюю.

Наблюдать интересно,
как ложатся плевки...
Да и мыслям не тесно,
да и строчки легки.

Чтим занятия те мы,
что пришлись по нутру.
Есть и выгода: темы
с потолка я беру.

И плевать продолжаю
смачно,
наискосок.
Потолок уважаю!
К счастью, мой – невысок...

Архивная быль

(Владимир Рецептер)

Терпенья и мужества впрок накопив

и перед судьбою смиренья,

спускайся, верней, поднимайся в архив,

спроси номерное храпенье... Владимир Рецептер. «Архив»

Терпенья и мужества впрок накопив,

душою возвышен и тонок,

как ныне собирается прямо в архив

наш интеллигентный потомок.

Хватило бы только старанья и сил

в бесценные вникнуть страницы...

И вдруг, замирая, потомок спросил:

– А где тут Рецептер хранится?

Хранитель архива, бессмертных кумир,

сказал ему: – Сам удивляюсь!

Здесь Пушкин, там Хаустов, ниже – Шекспир,

Рецептера нет, извиняюсь!

– Да как же! – воскликнул потомок, дрожа

и мысленно с жизнью прощаясь. –

Ты режешь, папаша, меня без ножа,

ведь я ж по нему защищаюсь!

Он столько гипотез и столько идей,
как помнится, выдвинул славных,
что должен среди знаменитых людей
в архиве пылиться на равных!

Ответил хранитель, взглянув из-под век,
спокойным пытаюсь казаться:
– Не лучше ли вам, молодой человек,
за первоисточники взяться...

Что делать?

(Нина Королева)

Мой первый ненаглядный человек
Был молод, и умен, и человечен...

А мой второй мужчина был красив.
И были годы, полные тревоги...

А третий мой мужчина – был ли он?
И кто он был? Да разве в этом дело! Нина Королева

Я первого забыла. И второй
Из памяти ушел, как в лес охотник...

А первый, между прочим, был герой.

Второй был мореплаватель. Нет, плотник!

Мой третий был красив. Четвертый – лыс,

Но так умен, что мне с ним было тяжело.

Мой пятый строен был как кипарис,

И жалко, что загнулся он, бедняжка...

Шестой, седьмой, восьмой... Да что же я?

Что обо мне подумают отныне?

Ведь это все не я, а лишь моя

Лирическая слишком героиня!

Что делать мне? И что мне делать с ней?

Пора бы ей уже остановиться...

Мне кажется, необходимо ей

Немедленно в кого-нибудь влюбиться!

С кем поведешься

(Евгений Антошкин)

Меня не так пугают психи –

Они отходчивы,

Смелы.

Боюсь восторженных и тихих:

Одни глупы,

Другие злы. Евгений Антошкин

Не всем дано понять, возможно,

Полет

Возвышенных идей.

И мне тоскливо и тревожно

Среди

Вменяемых людей.

Совсем другое дело – психи!

Порой буйны,

Порой тихи.

С каким они восторгом тихим

Бормочут вслух

Мои стихи!

Их жизнь близка мне и знакома,

Я среди них

Во всей красе!

Я им кричу: – У вас все дома? –

Они в ответ кричат:

– Не все!

Да разве выразить словами

То, как я

Удовлетворен.

Ведь я и сам – но между нами! –

С недавних пор

Наполеон!

Пропавший день

(Александр Шевелев)

Тиха вечерняя равнина,

Звезда вспорхнула надо мной.

Весь день душа была ранима

Красивой женщиной одной. Александр Шевелев

Я пробудился в девять двадцать,

сказав себе: «Пора вставать!»

Поел и вышел прогуляться

примерно в десять сорок пять.

Пешком по Невскому я влекся,

порхало солнце надо мной.

В двенадцать десять я увлекся

красивой женщиной одной.

Пошел за нею. Вдохновенье

снедало грудь. Глаза зажглись.

И – о волшебное мгновенье! –
в семнадцать тридцать мы сошлись

у гастронома. Так ранима
была душа на склоне дня!..
Она прошла с улыбкой мимо
и не заметила меня.

Пришел домой я, дверью хлопнул
и понял, севши на диван,
что я, дурак, весь день ухлопал
на изнурительный роман.

Бесовские штучки
(Юрий Панкратов)

На лугу, где стынут ветлы,
где пасутся кобылицы,
обо мне ночные ведьмы
сочиняют небылицы. Юрий Панкратов

Нечестивы и рогаты,
непричесаны и сивы,
прибывали делегаты
на конгресс нечистой силы.

Собрались в кружок у дуба
и мигали виновато,
все пытали друг у друга:
– Братцы, кто такой Панкратов?!

Ведьм немедля допросили:
– Что за шутки, в самом деле? –
Но они заголосили:
– Ночью мы не разглядели!..

Домовой пожал плечами,
в стенограмме бес напутал.
Водяной сказал, скучая:
– Может, кто его попутал?..

Делегаты повздыхали, –
тут сам черт сломает ногу!
И хвостами помахали,
и послать решили... к богу!

...Обижаться я не вправе,
но придется потрудиться,
о своей чертовской славе
сочиняя небылицы.

Сколько будет дважды два

(Лев Куклин)

Я немало дорог истоптал в этом мире,

И на собственной шкуре я понял зато:

Дважды два – не всегда в нашей жизни четыре,

А порою – и пять.

А бывает – и сто. Лев Куклин

Я когда-то мечтал

инженером стать горным,

В этом деле хотел получить я права.

Но везде мне вопрос задавали упорно:

– Сколько будет, товарищ Куклин,

дважды два?

– Пять! – всегда отвечал я упрямо и гордо,

В эту цифру вложив темперамент и злость.

Инженером, увы, а тем более горным,

К сожалению,

так мне и не довелось...

Я хотел быть актером, врачом и матросом,

Стать ботаником чуть не решил я едва.

И повсюду меня изводили вопросом:

– Сколько будет, товарищ Куклин,
дважды два?

Улыбались, не то еще, дескать,

мы спросим...

Стал везде отвечать я по-разному всем:

«Шесть», «одиннадцать», «тридцать один»,

«сорок восемь»,

Как-то сам удивился, ответив: «Сто семь!»

Кто, не помню,

помог мне однажды советом,

Поклониться советчику рад и сейчас:

– Ваш единственный путь – становиться

поэтом,

Ибо уровень знаний подходит как раз...

И с тех пор я поэт. Сочиняю прилично.

Издаюсь, исполняюсь,

хоть в мэтры бери...

Я, конечно, шутил, ибо знаю отлично:

Дважды два – как известно и школьнику – три!

На задворках

(Евгений Елисеев)

Выйдешь на задворки

и стоишь как пень:

до чего же зоркий,

лупоглазый день!

А потянешь носом –

ух ты, гой еси!.. Евгений Елисеев

Кто-то любит горки,

кто-то – в поле спать.

Я люблю задворки –

чисто благодать!

Дрема дух треножит

цельный божий день.

Всяк стоит как может,

я стою как пень.

Думать – это точно –

лучше стоя пнем

вислоухой ночью,

лупоглазым днем.

Бьешься над вопросом,

ажно вымок весь.

А потянешь носом –

хоть топор повесь.

Хорошо, укромно,

как иначе быть...

Тут мысля истомна –

инда да кубыть.

Если ж мыслей нету,

господи спаси,

выручить поэта

может «гой еси»!

Тайна жизни

(Василий Захарченко)

Я часто замираю перед тайной.

Ей имя – жизнь.

В разрядах молний, в грохоте грозовом,

В рассоле огнедышащей планеты

Родился крохотный комочек жизни –

Икринка, сгусток... Василий Захарченко

Я часто замираю перед тайной,
Я бы назвал ее – преображенье.
Загадочнее тайны нет нигде.
...Немыслимо бывает пробужденье:
Глаза разлепишь – что за наважденье? –
Лежать лежишь, но неизвестно где...
А в голове – все бури мироздания,
Да что там бури – просто катаклизмы,
Как написал бы Лавренев – разлом!
Глаза на лбу, в них молнии сверкают,
Язык шершавый, в членах колотун,
Ни встать ни сесть,
Во рту бог знает что,
Не то Ваала пасть, не то клоака,
Выпрыгивает сердце из груди,
И что вчера случилось – помнишь смутно...
И тут, я вам скажу, одно спасенье,
Верней сказать, единственное средство.
Берешь его дрожащими руками
В каком-нибудь вместительном сосуде,
Подносишь к огнедышащему рту!..
Струится он, прохладный, мутноватый,
Грозиво жгучий, острый, животворный!..
Захлебываясь, ты его отведал –
И к жизни возвратился и расцвел!
Есть в жизни тайна!
Имя ей – рассол.

Смертельный номер

(Лада Одинцова)

Весна, весна, – хоть горло перережь,

Весна –

Хоть полосни себя по венам.

И жизнь была – заполненная брешь,

Любовь была – случайна и мгновенна. Лада Одинцова

Себя я странно чувствую весной:

Весна –

А я ищу глазами ветку.

Веревку взять бы, в петлю головой

И – ножками отбросить табуретку...

Без этих грез я не живу и дня,

Приходит лето, соловьям не спится.

Кто в отпуск, кто на дачу,

А меня

Преследует желанье утопиться.

Про осень я уже не говорю.

До одури, до головокруженья

Я вся в огне,

Я мысленно горю,

Испытывая зуд самосожженья.

Мне хочется зимою в ванну лечь,

Не совладав с мгновенною любовью,

Вскрыв бритвой вены,

Медленно истечь

Горячей поэтической кровью...

Вы не волнуйтесь!
Это я шучу,
Не забывая дать себе отсрочки.
О смерти бойко в рифму щебечу,
Слова изящно складывая в строчки...

Продолжатель
(Александр Ревич)

Ты скажешь мне: «Унылая пора»,
Ты скажешь мне: «Очей очарованье». Александр Ревич

Скажу тебе: «Унылая пора».
Ты скажешь мне: «Очей очарованье».
Красиво сказано! Что значит дарованье
И резвость шаловливого пера!

Продолжу я: «Приятна мне твоя...»
«Прощальная краса», – ты мне ответишь.
Подумать только! Да ведь строки эти ж
Стихами могут стать, считаю я.

«Люблю я пышное...» – продолжу мысль свою.
Добавишь ты: «Природы увяданье».
Какая музыка! И словосочетанье!

Я просто сам себя не узнаю...

«В багрец и в золото»! – вскричу тебе вослед.

«Одетые леса», – закончишь ты печально...

Наш разговор подслушан был случайно,

И стало ясно всем, что я – поэт.

Призыв

(Григорий Корин)

Ты кроши,

кроши,

кроши

Хлебушек на снег,

Потому что воробей

Ест, как человек. Григорий Корин

Ты пиши,

пиши,

пиши,

Сочиняй весь век,

Потому что пародист –

Тоже человек.

Он не хочет затянуть

Туже поясок.
Для него
твои стихи –
Хлебушка кусок.

Ты пиши
и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже
хочет
есть!

Кривое эхо
(Из будущей книги)

Лирика с изюминкой
(Владимир Цыбин)

Я слышу, как под кофточкой иглятся
соски твои – брусничинки мои,
ты властна надо мною и не властна,
и вновь сухи раскосинки твои... Владимир Цыбин

Ты вся была с какой-то чертовщинкой,

с пленительной смешинкой на губах,
с доверчинкой до всхлипинки, с хитринкой,
с призывной загогулинкой в ногах.

Ты вся с такой изюминкой, с грустинкой,
с лукавинкой в раскосинках сухих,
что сам собою нежный стих с лиринкой
слагаться стал в извилинках моих.

Особинкой твоей я любовался,
вникал во все изгибинки твои,
когда же до брусничинки добрался,
выиграли враз все чувствинки мои.

Писал я с безрассудинкой поэта,
возникла опасенка уж потом:
вдруг скажут мне: не клюквинка ли это
с изрядною развесинкой притом?..

В плену ассоциаций
(Евгений Винокуров)

Я видел раз в простом кафе нарпита,
как человек корпел над холодцом,

трагическую маску Эврипида
напоминая сумрачным лицом. Евгений Винокуров

Я видел, как под ливнем кошка мокла,
хотел поймать ее, но не поймал...
Она напоминала мне Софокла,
но почему его – не понимал.

Я видел, как из зарослей укропа
навстречу мне однажды вылез крот,
разительно напомнивший Эзопа
и древний, как Гомер и Геродот.

А раз видал, как с кружкой Эсмарха
старушка из аптеки шла к метро.
Она напоминала мне Плутарха,
Вольтера, Острового и Дидро.

Я мог бы продолжать. Но почему-то
не захотел... Я шницель уминал,
сообразив – но поздно! – что кому-то
кого-то же и я напоминал!

Многоликость

(Татьяна Реброва)

Ты думаешь – Джульетта?

Это я.

Я говорю.

Поверь, все доказали

В той драме у Шекспира, где моя

Печаль была в начале той печали

То Маргарита, думаешь, поет?

То я пою. Татьяна Реброва

Мне не понятна холодность твоя...

Во мне сошлись

все небыли и были.

Я – это я.

Но я – не только я.

Во мне живут

все те, кто раньше были.

Ведь это мною очарован мир,

Ведь это мне,

сыграв на фортепьяно,

Провинциальных барышень кумир Сказал:

«Ужель та самая Татьяна?»

Да, это я.

Мы с ней слились в одно,

В одно лицо...

Но если б только это!

Ведь я еще – Изольда и Манон,

Коробочка, Офелия, Джульетта.

Ту драму,

не Шекспира, а мою

Сыграть

не хватит целого театра.

Я – Маргарита.

Это я пою.

Ты не шути со мной.

Я – Клеопатра!

И сам Печорин,

отдавая честь,

Сказал мне «Мадемуазель Реброва!

Я, видит бог, не знаю, кто вы есть,

Но пишете, голубушка,

не ново!»

Поэт и табурет

(Лев Озеров)

Что думал, как настроен был поэт,

Как он встречал закаты и рассветы,

Навряд ли объяснит нам табурет,

Или чернильница, или штиблеты. Лев Озеров

Позвольте вам представиться: штиблет.

Хозяин мой во мне ходил по свету.

Мне табурет сказал, что он поэт,

Но вряд ли можно верить табурету.

Для табурета, в общем, все равны,
Он в смысле кругозора ограничен,
Людей он знает с худшей стороны,
Поэтому и столь пессимистичен.

Хозяин мой во мне встречал рассвет,
По лужам шел по случаю ненастья,
И вдруг зарифмовал «рассвет» – «штиблет»,
Признаться, я был вне себя от счастья!

Нет, все же он действительно поэт,
Как не воздать бесценному шедевр!
Поэта угадал в нем табурет
По одному седалищному нерву!

Грустный вечер
(Алим Кешоков)

Детских лет моих подружка,
Где тропы висит клинок,
Мчит Шалушка, мчит Шалушка...

.....

Счет годам ведут кукушки,
И, достав рукой до дна,

Пью с ладони, как из кружки. Алим Кешоков

Наша ветхая саклюшка

И печальна и темна.

Где же ты, моя Шалушка,

Или выпита до дна?

Колыбельная речушка,

Или высохла она?

Выпью с горя; где же кружка?

Здесь, в Литфонде, у окна.

Я живу, поэт московский,

Кабарде любовь храня.

Только жаль, что друг Козловский

Переводит так меня.

Перевод читатель кроет,

Головой в сердцах крутя.

То как зверь он вдруг завоет,

То заплачет, как дитя...

Родня

(Борис Слуцкий)

Мой дядя двоюродный был бог
по части починивания сапог.
А дедушка, сморщенный, словно трюфель, –
маг по изготовлению дамских туфель.
Не дворяне и не пирожники –
в моей родословной были сапожники
довольно-таки высокого класса.
Обуви ими наделана масса.
Ее бы хватило обуть СП,
Союз композиторов и т.п.
Забывать свою родню не годится,
и я до сих пор не устал гордиться,
что каждый мой небольшой успех
обсуждал не литературный цех,
а мастера каблуков и подметок,
не считая двоюродных теток.
Они собирались обычно в среду,
чаще к ужину, реже к обеду
и рассуждали весьма отменно.
Все говорили одновременно.
И я с тех пор за собой замечаю:
чуть что нацарапаю – к ним спешу.
Не люблю говорить: «пишу».
Предпочитаю сказать: «тачаю».

Антипародия на автопародию

(Булат Окуджава)

Жил на свете таракан,
был одет в атлас и замшу,
аксельбанты, эполеты, по-французски говорил,
пил шартрез, курил кальян, был любим
и тараканшу,
если вы не возражаете, без памяти любил.
В то же время жил поэт жизнью странной и тревожной,
только он любовь такую
описать достойно смог,
хоть давно сменил Арбат, ходят слухи, на Безбожный,
безобразное названье, как не стыдно, видит бог!
Все куда-нибудь идут.
Кто направо, кто налево,
кто-то станет завтра жертвой, а сегодня – палачом...
А пока что тараканша
гордо, словно королева,
прикасалась к таракану алебастровым плечом.
Жизнь, казалось бы, прекрасна! И безоблачна!
Но только
в этом мире все непрочно, драмы стали пустяком...
Появилась злая дама,
злую даму звали Ольга,
и возлюбленную пару придавила каблуком.
Бейте громче, барабаны!
Плачьте, трубы и гобои,
о развязке вам поведаст серебряный кларнет:
значит, жили тараканы,
тараканов было двое,

было двое тараканов,
а теперь обоих нет...

Реплика пародиста
(Сергей Давыдов)

Очень остроумного и злого
жаль мне пародиста записного,
лучшего эстрадника Москвы.

...есть в нем что-то грустное
и даже
что-то есть еще от тети Даши,
не заведшей
собственных детей. Сергей Давыдов

Пародист немало озадачен,
что-то вдруг случилось,
не иначе:
вдруг да пожалел его поэт!..
Он сравнил беднягу с тетей Дашей,
видно, осознал,
что в жизни нашей
горше доли пародиста – нет.
Пародист усталости не знает,
пишут все!
А он один читает

горы графоманской чепухи.
Легче быть, наверно, землекопом,
сутками сидеть над микроскопом,
нежели всю жизнь
читать стихи.
Пародист, конечно, пишет мало.
Что и говорить,
душа устала
и бумагу портить ни к чему...
Да, не вышло из него поэта!
И, конечно, за одно за это
можно ставить
памятник ему!

На коне
(Марк Лисянский)

Я люблю приезжать в этот город,
И бродить, и ходить не спеша.

Снова скачет надменно и гордо
Всадник Бронзовый мимо меня.
А в Большом Драматическом горько
Плачет Лебедев в роли коня. Марк Лисянский

Я люблю приезжать в этот город
С каждым годом сильней и сильней.

В город, воздух в котором распорот
Ржаньем всех знаменитых коней.

Я смотрю затуманенным взором,
Все навеки запомнить дабы,
Вижу Аничков мост, на котором
Кони Клодта встают на дыбы.

Медный всадник по-прежнему скачет,
И легенды слагают о нем.
В этом городе Лебедев плачет,
В БДТ притворяясь конем.

На любую вступаю я площадь,
Вдоль проспектов гуляю седых
И себя ощущаю как лошадь,
А порою как пара гнедых.

Здесь прохлада струится за ворот,
Конский запах волнует до слез.
Я люблю приезжать в этот город,
Ржать, и плакать, и кушать овес.

Змеи в черепах

(Юрий Кузнецов)

Я пил из черепа отца

За правду на земле...

– Скучное время, – поморщился Гёте и встал.

Взял хворостину и ею меня отстегал. Юрий Кузнецов

Один, как нелюдь меж людьми,

По призрачным стопам,

Гремя истлевшими костями,

Я шел по черепам.

Сжимая том Эдгара По,

Как черный смерч во мгле,

Как пыли столб, я мчался по

Обугленной земле.

Еще живой, я мертвым был,

Скелет во тьме белел...

Из чашечек коленных пил,

Из таза предков ел.

Блестя осками зубов,

Зловещи и легки,

Бесшумно змеи из гробов

Ползли на маяки.

Я сам от ужаса дрожал
(Сам Гёте мне грозит!)
И всех, естественно, пужал
Загробный реквизит.

Я шел, магистр ночных искусств,
Бледней, чем сыр рокфор...
Прочтя меня, упал без чувств
Знакомый бутафор...

Рок пророка
(Вадим Рабинович)

Кривонос и косорыл,
удивился и смутился:
серафимный шестикрыл
в юном облике явился. Вадим Рабинович

Я хоть музой и любим,
только, как ни ковырялся,
шестикрылый серафим
мне ни разу не являлся.

Вместо этого, уныл,
словно он с луны свалился,
серафимный шестикрыл
на распутье мне явился.

– Ну-с! – свою он начал речь. –

Чем желаете заняться?

– Вот хочу жаголом глечь –

так я начал изъясняться. –

Сочиняю для людей,
перед людьми предстал не голым.
Так сказать, людца сердец
собираюсь глечь жаголом...

Шестикрыл главой поник
и, махнув крылом как сокол,
вырвал язный мой грешык,
чтобы Пушкина не трогал.

Поток приветов

(Анатолий Брагин)

И взрослым, вероятно, баловство

Присуще. Вот свечу я зажигаю...

Недаром вдохновенно Пастернак

Свечу воспел. От Пушкина привет

Она ему, колеблясь, посылала... Анатолий Брагин

Беру свечу. Конечно, баловство

В наш сложный век – подсвечники, скандалы,

Гусарский пир, дуэльные скандалы...

Но в этом все же есть и волшебство.

Минувший день – сверканье эполет,

Порханье дам... Но как не верить знаку

Свечи зажженной? Это ж Пастернаку

От Пушкина таинственный привет!..

Но вот свеча и мною зажжена.

И новый труд в неверном свете начат.

Свеча горит... и это что-то значит...

Внезапно понял я: да ведь она

Горит не просто так, а дивным светом

От Пастернака мне – ведь я поэт! –

Шлет трепетный, мерцающий привет!..

Так и живу. Так и пишу. С приветом.

Яблоко от яблони

(Павел Калина)

Мне эта жизнь явилась садом,
Где я, как яблоко, легко
Упал, почти с корнями рядом,
Да откатился далеко... Павел Калина

На ветке яблочком налился,
Упал поблизости. Да вот
Далече слишком откатился...
С тех пор тоска во мне живет.

Я сохну без корней и чахну,
Мне невозможно без земли.
Я тленом, может быть, запахну
От милой яблони вдали.

Как без меня созреет колос?
Как расцветет весною сад?
Но тут вмешался трезвый голос:
– Что за беда? Катись назад!

Свое и мое

(Диомид Костюрин)

И вот я иду дорогой,
Не чьей-нибудь, а своею,
К друзьям захожу под вечер,
Не к чьим-нибудь, а своим. Диомид Костюрин

Я меряю путь шагами,
Не чьими-то, а моими,
Ношу я с рожденья имя,
Не чье-нибудь, а свое.

На мир я смотрю глазами,
Не чьими-то, а своими,
И все, как поется в песне,
Не чье-нибудь, а мое.

Вожу я знакомство с музой,
Не с чьей-нибудь, а моею,
Бывает, стихи слагаю,
Не чьи-нибудь, а свои.

Иду в ресторан с женою,
Не с чьей-нибудь, а своею,
Друзья меня ждут под вечер,
Не чьи-нибудь, а мои.

Я потчую их стихами,
Не чьими-то, а своими,
Я им открываю душу,
Не чью-нибудь, а свою.

Стихами по горло сыты,
Не чьими-то, а моими,
Они вспоминают маму,
Не чью-нибудь, а мою...

Игра

(Лариса Тараканова)

Я любила тебя понаслышке... Лариса Тараканова

Что за мука – ни дна, ни покрышки,
Как сдержат невсамделишный пыл!..
Я любила тебя понаслышке,
Ты меня невзаправду любил.

Завела я, играя, тетрадку,
Карандашик сосед очинил.
Я тебя полюбила вприглядку,

Ты и этого не оценил.

Как бы шла я

По как бы дорожке,

Как бы вся задыхаясь от слез.

Я писала стихи понарошке,

Вы их зря принимали всерьез...

Занос

(Эдуард Балашов)

Я бросился в тебя, как в реку,

С того моста,

Куда заносит человека

Его мечта. Эдуард Балашов

Мой путь причудлив чрезвычайно,

Мой путь непрост.

Меня мечтой необычайной

Внесло на мост.

Не исключение из правил

И не каприз.

Я огляделся, грудь расправил

И глянул вниз.

Там все искрилось и сверкало, –

Текла река.

Там ты, раздевшись, загорала
Среди песка.
Что еще надо человеку?
Зовет мечта.
Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста.
Лечу и думаю: давненько
Я не летал...
Но, к сожалению, маленько
Не рассчитал.
Летел я правильной кривою
Под плеск волны.
Но приземлился головою
На валуны.
Должно быть, слишком разогнался,
Устал парить...
Встал, отряхнулся, причесался
И сел творить.

Все путем!

(Геннадий Касмынин)

Льды на реке ломает март.
Апрель как вор в законе,
И льдины стаей битых карт
Разбросаны в затоне. Геннадий Касмынин

В свои права вошла весна,
Вокруг светлей и чище.
И стаи воробьев, шпана,
Спешат на толковище.

Грачи, как крестные отцы,
Глаза свои таращат,
Везде домушники-скворцы
Уже чего-то тащат.

Барыга-мерин погорел –
Мужик его треножит.
А голубь, фрайер, ожирел,
Взлететь и то не может.

Лохматый пес сидит как вор
И пайку ест из плошки.
Крадется кот как сутенер,
На тротуарах – кошки...

Ворона, словно человек,
Разинула едало.
Сорока, падла, будто век
Свободы не видала.

Всех обогрел весенний свет,
Длинные, как сороки, тени...
И вот уже сидит поэт
И ботает по фене.

Кому кого

(Борис Пуцыло)

Не та, что есть, –

Совсем иная

Ты плакала легко во мне.

Себя однажды вспоминая,

Не думай плохо обо мне. Борис Пуцыло

Не ты во мне,

А ты – иная,

Иная, впрочем, не вполне, –

Себя однажды вспоминая,

Тебе нашла себя во мне.

Не я в тебе,

А ты, родная,

В моей запутанной судьбе,

Меня однажды вспоминая,

Себе нашла меня в тебе.

Ты плакала,
Ты мне внимала,
Моя твоя рвалась к себе.
Твоя моя не понимала,
Того, что я себя в тебе.

Косноязычно и занудно
Тянулись мысли в полусне...
И понял я:
Конечно, трудно
Не думать плохо обо мне.

Страсть охоты
(Яков Козловский)

Страсть охоты, подобная игу,
И людей покорила и псов...
Занеси меня в Красную книгу,
Словно редкого зверя лесов. Яков Козловский

Вижу ряд угрожающих знаков,
В мире зло громоздится на зло.
И все меньше становится яков,
Уменьшается племя козлов...

Добротой в наше время не греют,
Жизнь торопят – скорее, скорей!..
Жаль, что люди все больше звереют,
Обезлюдено племя зверей.

Век жестокий, отнюдь не толстовский...
Скоро вовсе наступит конец.
Лишь останется Яков Козловский,
Красной книги последний жилец.

Примета века
(Лариса Васильева)

И стала я приметой века:
не волновалась, не ждала,
от женщины до человека
довольно легкий путь прошла.

А мой талантливый ребенок
был в непорочности зачат... Лариса Васильева

Была я женщиной. На блюде
мне был предложен бабий век.
Мне захотелось выйти в люди,
И вот теперь я – человек!

Оригинальной быть решила,
и это удалось вполне,
ведь я не стряпала, не шила,
поскольку это не по мне.

Была допущена в печать я,
не поэтесса, не поэт!
И непорочного зачатья
познала редкостный секрет.

К несчастью, избежать пеленок
до сей поры никто не смог.
Но мой особенный ребенок
зато талантливый как бог.

И стала я приметой века,
езде и всюду на виду.
И вот теперь от человека
я к божьей матери иду...

В это лето
(Иван Лысцов)

Падают груши в саду августовском,
Глухо стучат о траву...
В тихой усадьбе, совсем по-толстовски
Я это лето живу. Иван Лыццов

Творческим духом я нынче питаюсь,
Тихою радостью пьян.
В славной усадьбе, где я обретаюсь,
Множество ясных полян.

В теплых лучах золотится деревня,
Нежится речка и дол.
Добрая баба, как Софья Андревна,
Мне собирает на стол.

С рани землицу пашу я не сдуру,
Круп вытираю коню.
Скоро, видать, про Каренину Нюру
Роман большой сочиню...

Про мед и деготь
(Галина Чистякова)

Невозможно не заметить

Вам моих блестящих глаз!

У меня медовый месяц!

И уже не в первый раз. Галина Чистякова

Не могу понять, хоть тресни,

Где вы, юные года?

Замечательную песню

Хором пели мы тогда:

«Юбку новую порвали

И подбили правый глаз!

Не ругай меня, мамаша,

Это было в первый раз!»

А теперь, прошу заметить,

Манна с неба я не жду.

У меня медовый месяц

Десять месяцев в году!

Я с избранниками смело

То вожусь, то не вожусь.

Надоело это дело –

Через месяц развожусь.

А потом опять как в воду,

Не зевай да успевай...

Да и что мне ложка меду?

Ты цистерну мне давай!

Но вину свою за это

Мне придется искупать:

Могут девушку-поэта

В бочке дегтя искупать...

Если выследить...

(Ирэна Сергеева)

Если долго за нами следить,

если наш разговор записать,

то обоих нас надо судить,

но меня за любовь оправдать. Ирэна Сергеева

Начинаем с тобой понимать,

если долго за нами следить,

если выследить нас и поймать,

то, конечно, нас надо судить.

И хоть ты, мой любимый, не вор

и на мне не разбоя печать,

будет очень суров приговор,

громом с неба он будет звучать.

Обрекут нас, дабы проучить,
ты и я будем вместе страдать:
я – пожизненно в рифму строчить,
ты – пожизненно это читать...

Когда скошено и вылазит
(Александр Щуплов)

У меня нахальством плечи скошены
и зрачки вылазят из углов.
Мне по средам снится критик Кожин
с толстой книгой «Тютчев и Щуплов».

Сегодня я – болтун, задира, циник –
земную тяжесть принял на плечо,
и сам себе – и Лев Толстой, и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще. Александр Щуплов

Собрались вместе Лев Толстой и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще.
И вроде бы никто из них не циник
и все что нужно принял на плечо.

– Вы кто такой? – у Цыбина Володи

спросил Толстой. – Не знаю вас, мой друг,
мы в свете не встречались раньше вроде...
– А я Щуплов! – ответил Цыбин вдруг.

Толстой застыл, сперва лишился слова,
потом смутился и сказал: – Постой,
не может быть, откуда два Щуплова?
Ведь я Щуплов! – промолвил Лев Толстой.

Стояли молча рядом два титана.
– И я Щуплов! – кричали где-то там.
И, чувствуя себя довольно странно:
– И я Щуплов! – воскликнул Мандельштам.

Вокруг теснилась публика, вздыхала,
и кто-то молвил зло и тяжело:
– На молодого циника-нахала,
должно быть, вновь затмение нашло.

Если не я, то кто?
(Олег Хлебников)

И так живу в очерченном кругу,
людей по полочкам располагаю

и только одного не понимаю:

как я-то не понравиться могу... Олег Хлебников

Я от восторга что ни день горю,
меня влечет божественное «эго».
Меня зовут как вещего Олега,
я о фамилии не говорю.

Я сам свою предназначтал судьбу,
хулить меня не пробуй – труд напрасен.
Остановись, мгновенье, я прекрасен!
А ты, Нарцисс, перевернись в гробу...

Пишу стихи и в зеркало гляжусь,
Я сам не свой, я сам с собой не справлюсь.
Себе я нравлюсь! А тебе не нравлюсь?!
Ты бяка, я с тобою не вожусь!..

Давай не говорить
(Марина Тарасова)

Давай не говорить о лете,
лоскутик памяти порви.
Сегодня нет со мной
на свете

ни колоска твоей любви. Марина Тарасова

Судьбы моей поникли перья,
любви загнулся колосок.

Порвалась ниточка доверья,
и выпал дружбы волосок.

Подохла в клетке птичка страсти,
котенок ласки не поет.

И щепочка бывшего счастья
в корыте памяти плывет.

Давай погасим пламя муки,
обиды тряпочку порви.

Меж нами дырочка разлуки
и нет ни корочки любви.

Ты не смотри на это косо,
как ясный полдень на грозу.

Ведь я нашла отличный способ
немножко выжимать слезу...

Парад бессмертных
(Игорь Ляпин)

Такое утро светлое, погожее,
Речушка убегает за село.
На Льва Толстого облако похожее
По небосклону медленно вошло. Игорь Ляпин

Деревня под лучами солнца греется,
Какое утро – просто чудеса!
А в небесах такое нынче дается –
Парад бессмертных, а не небеса!

Из леса песня слышится кукушкина,
Речушка убегает далеко.
Вот облако, похожее на Пушкина,
Плывет недостижимо высоко.

Вот слышу грохотанье грома близкого,
Была погодка, да, глядишь, сплыла...
То туча – просто копия Белинского –
Сердясь, на тучу Гоголя нашла.

Но туча уплыла вослед за тучею,
И снова чист и ярок горизонт.
Вот облака поменьше, но бегучие –
Поделков, Вознесенский, Доризо...

Все небеса великими заляпаны,
И лишь одно гнетет и душу рвет,
Что ничего похожего на Ляпина
По небосклону что-то не плывет.

1

Церковноприходская школа

2

«Август» – книга стихов И. Снеговой.

3

Слова принадлежат Вал. Сорокину.

4

Джан – дорогая (арм.).